

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 1 (32)

2018

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Заместители ответственного редактора:

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор

Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
М.А. Стеценко

Технический редактор:
И.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.03.2018.

Выход в свет 31.05.2018.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 5,0.

Тираж 50 экз. Заказ 3-209-18.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВЫДАЧИ ЛИЦ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ Г.А. Амбарцумян	5
ВИДЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ (СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ) Т.В. Балужева	10
НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ Дж. Бахшалиев	15
ПОДСИСТЕМА ЦЕЛЕЙ И ФУНКЦИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ К.И. Дюк	18
КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КОРРУПЦИЮ) К.С. Кочарян	22
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ У.А. Липская	25
ЦЕЛЬ ИСПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РФ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД И ПЕРСПЕКТИВА А.П. Некрасов	28
ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗМЕРОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ М.П. Никольский	31
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РФ (БАНКА РОССИИ) И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО МЕСТА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ В.В. Степанова	33
НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Д.С. Хараузов	37
Наши авторы	42

CONTENT

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF EXTRADITION FOR CRIMINAL PROSECUTION BY ARMENIAN LEGISLATION G.A. Hambarzumyan	5
THE TYPES OF CRIMINAL SANCTIONS APPLICABLE TO MINORS, THE CHARACTERISTICS AND THE EFFICIENCY OF THEIR APPLICATION T.V. Balueva	10
SOME METHODS OF INCREASING RELIGIOUS SECURITY IN THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM J. Bakhshaliev	15
SUBSYSTEM OBJECTIVES AND FUNCTIONS OF THE PROCEDURAL PROTECTION MEASURES C.I. Dyuk	18
CORRUPTION AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY (CRIMINAL LAW IMPACT ON CORRUPTION) K.S. Kocharyan	22
PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL RIGHT OF THE CITIZEN ON PERSONAL PRIVACY BY THE RUSSIAN LEGISLATION U.A. Lipskaya	25
THE PURPOSE OF CORRECTION AND PREVENTION OF CRIMES AS THE BASIC PROVISIONS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONTEMPORARY VIEW AND PERSPECTIVE A.P. Nekrasov	28
TORT AND FEATURES ESTABLISH THE EXTENT OF LIABILITY FOR COMMITTING THEM M.P. Nikolski	31
ABOUT SOME QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIAN FEDERATION (BANK OF RUSSIA) AND DEFINITION OF HIS PLACE IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES OF RUSSIAN FEDERATION V.V. Stepanova	33
NECESSITY TO FIX THE CONCEPT OF JUSTICE IN THE LEGAL DOCTRINE AND PATRIOTIC LEGISLATION D.S. Kharauzov	37
Our authors	42

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВЫДАЧИ ЛИЦ
ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

© 2018

Г.А. Амбарцумян, соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права
Российско-Армянский Университет, Ереван (Армения)

Ключевые слова: экстрадиция; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; национальное законодательство; депортация.

Аннотация: В данной статье предпринята попытка комплексного подхода к проведению правового исследования института выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в Армении и за рубежом, позволившего определить проблематичные аспекты экстрадиции на современном этапе, выявить некоторые специфические вопросы, которые в будущем для Армении могут стать проблематичными с точки зрения защиты прав экстрадируемых лиц.

В современных условиях проблема преступности как негативного социального феномена приобретает глобальный характер. В связи с этим становится важным оценить настоящее положение международной юридической системы в области правового сотрудничества по уголовным делам для того, чтобы создавать новые положения и улучшить применение уже существующих. Данное обстоятельство требует теоретического осмысления места института выдачи (экстрадиции) в системе международной уголовной юстиции.

Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью в современных условиях не только становится одним из важнейших направлений межгосударственных отношений, но и является основой для все более увеличивающейся по объему и значению международно-правовой базы. Необходимо отметить, что Армения имеет договорные отношения о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора со многими странами мира. В текущий период (особенно после ратификации в 2002 году Республикой Армения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) важное значение приобретает регламентирование порядка осуществления экстрадиции и связанных с ее осуществлением юридических действий и закрепление процессуальных гарантий соблюдения при этом прав человека.

Данная работа посвящена анализу и обобщению проблем теории и практики экстрадиции, а также практики международных судебных органов и национальных органов уголовного правосудия новейших тенденций в развитии института экстрадиции как одного из ключевых элементов системы межгосударственного сотрудничества в уголовно-правовой сфере, а также рассмотрению некоторых специфических проблемы экстрадиции, которые в дальнейшем могут стать проблематичными с точки зрения процедуры выдачи, что с неизбежностью приведет к нарушению прав экстрадируемых лиц. Целью настоящей работы является также выявление тенденций развития норм права об экстрадиции, анализ научно-теоретических и практических основ возможных правовых реформ на основе изучения практики некоторых международных судебных инстанций.

Данная работа направлена на указание возможных направлений совершенствования правовой базы, регламентирующей процедуру уголовного преследования и выдачи лиц, на установление соответствия внутреннего законодательства международно-правовым требованиям.

Некоторые выводы, содержащиеся в работе, могут быть учтены при подготовке международных документов, нормативно-правовых актов Республики Армения, а также могут способствовать усовершенствованию техники заключения договоров со странами, не входящих в систему стран Совета Европы, во избежании нарушений прав экстрадируемых лиц.

Законодательную базу регулирования процедуры экстрадиции составляют Конституция Республики Армения (далее – РА) (с изменениями от 2015 года), Уголовный

кодекс РА, Уголовный процессуальный кодекс РА, а также международные договоры с участием Республики Армения.

Важнейшую роль в законодательстве РА об экстрадиции играют Международная конвенция о защите прав человека, а также иные правовые акты в рамках Совета Европы. В теории понятию «экстрадиция» дается несколько определений. Так, М.Д. Шаргородский еще в 1947 г. писал, что выдача – это передача преступника государством, на территории которого он находится, другому государству для суда над ним или применения к нему наказания. Ученые В. К. Звирбуль и В. П. Шупилова предложили другое определение: «Выдача преступников – это акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора». В 70-е годы XX века Л. Н. Галенская определяла выдачу как «процесс передачи преступника в соответствии с нормами международного права другому государству для применения уголовного наказания». В отличие от В. К. Звирбуля и В. П. Шупилова, Л. Н. Галенская отмечала, что целью выдачи, наряду с исполнением наказания, является привлечение выдаваемого лица в качестве обвиняемого и обвинение еще предстоит доказать [1].

В рамках настоящей работы первоочередный интерес представляют международные договоры, заключенные РА, дающие правовое регулирование экстрадиции. Как известно, механизм защиты прав человека в рамках Совета Европы определен Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и протоколами к ней, который, несмотря на то, что гарантирует широкий спектр прав и свобод, однако они имеют достаточно отдаленное отношение к процедуре экстрадиции. Сам термин «экстрадиция» упоминается лишь единожды (в ст. 5-1(f) Конвенции), как допустимое основание для лишения человека свободы. Однако практика Европейского суда по правам человека показывает, что при рассмотрении вопроса о выдаче правонарушителя, органы государственной власти должны принимать во внимание целый ряд факторов, выходящих далеко за пределы тех положений, которыми они руководствуются.

При рассмотрении данного вопроса, следует в первую очередь указать на проблему соотношения Конвенции с другими международными договорами, включая и те, которые были заключены в рамках Совета Европы. Иногда на практике встречаются мнения о том, что наличие международного договора освобождает государственные органы от необходимости учитывать другие действующие международные договора. Однако, по мнению многих ученых-теоретиков и практиков, это «достаточно серьезное заблуждение» [2].

Ответ на вопрос как быть, если международные обязательства по договору о выдаче вступают в конфликт

с обязательствами по Конвенции, Суд дал в деле “*Soering v. The United Kingdom*”, ставшим основополагающим прецедентом в сфере экстрадиции для Суда.

В данном деле речь шла о предполагаемой выдаче Соуринга Соединенным Королевством согласно двустороннему договору штату Вирджиния (Соединенные Штаты), где его должны были судить за убийство и приговорить к смертной казни. Соуринг утверждал, что ситуация с исполнением смертных приговоров в Вирджинии с одной стороны, и с другой стороны задержки продолжительностью, как правило, в 6–8 лет между вынесением и исполнением смертного приговора, представляет собой, в первом случае, нарушение его права на жизнь (ст. 2 Конвенции), а во втором – бесчеловечное обращение или наказание (ст. 3 Конвенции). С другой стороны, Соединенное Королевство утверждало, что государство, осуществляющее экстрадицию, согласно Конвенции не может нести ответственность за бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, которое может быть применено за рамками его юрисдикции. Суд, однако, решил, что, несмотря на благие цели экстрадиции, которая Конвенцией не запрещается, она не может полностью или частично освободить государство-участника Конвенции от ответственности за предсказуемые последствия экстрадиции. В своем решении отметил то, что «сознательная передача беглеца в другое государство, если имеются существенные основания полагать, что ему будет угрожать опасность пыток или жестокого или бесчеловечного обращения, сколь бы гнусным ни было преступление, явно противоречило бы духу и назначению Конвенции». В решении было также отмечено то, что те государства-участники Конвенции, которые экстрадируют правонарушителя в страну, где возможны нарушения конвенционных прав и свобод последнего, будут нести ответственности за указанные действия [3].

Так, в данном деле Суд впервые закрепил принцип приоритетности Конвенции над другими договорными обязательствами в тех случаях, когда возможны нарушения прав экстрадируемого лица. Данный принцип лег в основу многих решений Суда по указанной проблематике.

Немаловажной проблемой защиты прав человека в контексте экстрадиции, которая очень часто рассматривается Судом, является проблема защиты экстрадируемого лица от возможных пыток или иного бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения.

Следует отметить, что все вышеуказанные выводы Суда в деле Соуринга были сделаны с точки зрения статьи 3 Конвенции, которая гласит: «Никто не должен подвергнуться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Право на защиту от пыток является абсолютной, т. е. не приемлет никаких исключений. В связи с серьезностью и императивностью данного запрета, именно статья 3 является ключевой в вопросах экстрадиции и именно с ней связаны основные проблемы защиты прав экстрадируемых лиц. Одновременно, в связи с таким абсолютным запретом, предполагаемое бесчеловечное и унижающее достоинство обращение должно достичь «минимального уровня жестокости» (как это указывается в решениях Суда) для того, чтобы попадать под действие ст. 3 Конвенции.

Проблематичной является и вопрос выдачи лиц, имеющих право на убежище. Данное право (как и многие другие права, которые закреплены в иных международных документах об экстрадиции) также не предусмотрено Конвенцией. Однако согласно существующим прецедентам Суда, статья 3 применима не только к лицам, которые пребывают законно под юрисдикцией государства-участника настоящей Конвенции, но и к лицам, которые ищут убежища или оказались под юрисдикцией данного государства нелегально. Например, в деле «Жители Восточной Африки азиатского происхождения

против Соединенного Королевства» было установлено, что экстрадиция в страну, в которой существует реальная опасность применения пыток или иных запрещенных видов обращения, равно как отказ в предоставлении разрешения на въезд в страну (например, по расовому признаку как это было в настоящем деле) могут быть расценены как нарушение статьи 3 Конвенции.

Следует отметить, что основанная позиция Суда по данному вопросу такова, что при рассмотрении вопроса о возможном нарушении ст. 3 Конвенции вследствие экстрадиции лица, в первую очередь необходимо установить тот факт, что государство, осуществляющее такую экстрадицию, знало или должно было знать о нарушении или о возможном нарушении прав экстрадируемого лица. При этом соответствующая опасность должна быть *реальной*, а не просто лишь вероятной. То есть, как указывается в прецедентах по данному вопросу, для установления наличия нарушения статьи 3 Конвенции, необходимы «*достаточные основания*» на то, чтобы предположить возможность нарушения прав гарантируемых Конвенцией.

Так, критерии определения «*достаточных оснований*» были существенно уточнены в связи с делом “*Vilvarajah and others v. The United Kingdom*”, где заявителями были шри-ланкийские тамилы, которым отказали в убежище в Великобритании. В ответ на предупреждение, что их вернут в Шри-Ланку, они утверждали, что там им угрожает плохое обращение со стороны службы безопасности, в связи с противостоянием между государственными войсками и тамильским освободительным движением. Их все же выслали из Соединенного Королевства и трое из них были подвергнуты жестокому обращению в Шри-Ланке. Суд отметил, что на момент их высылки в Шри-Ланку состояние безопасности там значительно улучшилось. К тому же Верховный Комиссар ООН по делам беженцев держал под контролем исполнение программы добровольной репатриации, во время которой многие тамилы благополучно вернулись. Суд отметил, что, несмотря на значительное улучшение, ситуация оставалась неурегулированной и поэтому существовала вероятность взятия заявителей под стражу и плохого обращения с ними. С другой стороны, только сама по себе вероятность плохого обращения не давала достаточных оснований утверждать о наличии нарушения статьи.

Таким образом, если существует реальный риск обращения, не совместимого со статьей 3, государство не должно высылать это лицо.

Хотелось бы также рассмотреть некоторые специфические проблемы защиты прав экстрадируемого лица, которые могут привести к нарушению статьи 5 Конвенции, гарантирующей право на свободу и личную неприкосновенность.

Следует отметить, что в отличие от статьи 3, статья 5 допускает случаи вмешательства в гарантируемое ею право, но исключительно в случаях, предусмотренных данной статьей и при условии соблюдения определенных гарантий.

Статья 5 определяет перечень случаев, когда задержание допускается, в том числе «законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче» (5-1(f)). Однако, формального наличия основания само по себе недостаточно, так как лишение свободы должно отвечать определенным требованиям.

Так, оно должно быть законным и преследовать законную цель. Причем, согласно практике Суда, требование законности касается как процесса, так и содержания. Более того, законность означает, что любое задержание должно проводиться в соответствии с национальным правом и Конвенцией, и не должно быть произвольным.

С точки зрения конвенционной системы, очень важно отложить выдачу до тех пор, пока не будет изучен вопрос законности задержания, поскольку результаты этого расследования могут повлиять на законность самой выдачи.

Более того, ввиду гарантий, предоставляемых п.4 ст.5 Конвенции выдача или высылка должны всегда откладываться до тех пор, пока у суда будет возможность рассмотреть вопрос законности задержания и, в итоге, потребовать освобождения из-под стражи. Следует также отметить, что при судебном контроле над процедурой экстрадиции, внимание судов должно быть обращено именно на соблюдение процедуры выдачи и отсутствие оснований для отказа в выдаче.

Требование законности распространяется и на качество внутреннего закона, который должен быть доступен, предсказуем, и сформулирован с достаточной степенью точности.

Данный вопрос, *inter alia*, был рассмотрен Судом по делам "*Nasrulloev v. Russia* и *Ryabikin v. Russia*". При рассмотрении дела "*Nasrulloev v. Russia*", Суд, учитывая непоследовательные и взаимоисключающие доводы национальных властей по вопросу о правовом регулировании содержания под стражей с целью выдачи лица, определил, что «в отношении лишения свободы, которому подвергся заявитель, не действовали необходимые гарантии защиты от произвола. Положения российского законодательства, регулирующие содержание под стражей лиц с целью выдачи, не являются ни точными, ни предсказуемыми в применении и не соответствуют требованиям Конвенции в части «качества закона». Национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей. Его содержание под стражей не может считаться «законным» по смыслу статьи 5 Конвенции» [4]. Основываясь на указанных доводах, Суд установил, что имело место нарушение статьи 5 § 1 (f) Конвенции.

Суд в ранее вынесенных решениях неоднократно отмечал, что в случаях, касающихся лишения свободы, представляется особенно важным, чтобы соблюдался общий принцип юридической определенности.

По делу "*Ryabikin v. Russia*", поскольку вопрос касался качества национального законодательства, регулирующего содержание под стражей в ожидании экстрадиции, Суд напомнил, что он уже сталкивался с аналогичным вопросом в деле "*Nasrulloev v. Russia*". Суд отметил, что несоответствие внутреннего законодательства оказалось в центре внимания в данном случае снова, так как на протяжении всего времени содержания заявителя под стражей, российской правоохранительной системе не удалось определить компетентный орган, ответственный за санкционирование заключения, указать применимые правовые нормы и определить сроки такого задержания.

При таких обстоятельствах Суд не нашел никаких оснований отклониться от заключений, сделанных в решении по делу "*Nasrulloev v. Russia*" и подтвердил, что соответствующее внутреннее законодательство не сумело защитить заявителя от произвола. Вследствие этого Суд вынес решение о том, что его задержание нельзя рассматривать «законным» в пределах значения Статьи 5 § 1 (f).

Рассмотренные дела наглядно указывают на наличие правового пробела в Российском законодательстве и на его несоответствие Конвенции в плане отсутствия в нем положений, регулирующих порядок продления содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Несмотря на то, что Армения в процессе коммуникации с Судом не сталкивалась с такой проблемой, это еще не означает, что она в будущем не столкнется с ней, так как, схожая проблема существует и в законодательстве РА.

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, как в Российском, так и в Армянском законодательстве должны быть внесены соответствующие корректировки во избежание в дальнейшем возможных нарушений прав человека аналогичного характера, поскольку нормы уго-

ловно-процессуального законодательства, регулирующие содержание под стражей с целью выдачи, не удовлетворяют требованиям ясности и предсказуемости.

В делах об экстрадиции это право предполагает наличие в национальном законодательстве права на обращение в национальные органы власти, прежде всего суды, которые имеют полномочия рассмотреть заявление выдаваемого лица на предмет возможных нарушений Конвенции, изложенных выше, и принять, при необходимости, решение о запрете выдачи или о необходимости предоставления запрашивающей стороной дополнительных гарантий того, что права экстрадируемого не будут нарушаться. Кроме того, обращение в данные органы должно приостанавливать процедуру выдачи, и главное, выдаваемому лицу должна быть предоставлена реальная возможность воспользоваться таким средством защиты.

Таким образом, анализ практики Страсбургского суда свидетельствует о необходимости учитывать международные обязательства в сфере прав человека при рассмотрении сотрудниками правоохранительных органов и судов запросов о выдаче правонарушителей.

Считаем необходимым рассмотреть также вопрос, связанный с возможной коллизией между договорными обязательствами в плане выдачи лиц в государства не входящие в Совет Европы, и возможности предупреждения таких коллизий на практике.

Как было отмечено выше, Европейская конвенция о выдаче заменяет собой положения любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих выдачу любыми двумя договаривающимися Сторонами. В настоящей Конвенции установлен также принцип, согласно которому «договаривающиеся стороны» могут заключать между собой двусторонние или многосторонние соглашения только с целью дополнения Европейской конвенции или облегчения применения содержащихся в ней принципов (п. 1, 2 ст. 28).

Из вышеизложенного следует, что государства-участники настоящей Конвенции при заключении иных многосторонних или двусторонних договоров должны обратить особое внимание на технику заключения таких договоров для того, чтобы в будущем они не вступали в противоречие с конвенционными обязательствами государства, заключенными в рамках Совета Европы. Данная проблема остро стоит в случаях заключения договоров, где одна сторона договора является членом Совета Европы, а другая не является таковой.

Данная проблема является актуальной и для Армении, поскольку после того как последняя 25 января 2001г. стала членом Совета Европы, взяла на себя обязательство по установлению соответствия внутреннего законодательства европейским правовым стандартам (это касается также договорных обязательств государства).

Однако внутреннее законодательство Армении состоит не только из договоров заключенных в рамках Совета Европы, но и из тех которые заключены со странами, не входящими в систему стран Совета Европы. К ним, *inter alia*, относятся: договор между Республикой Армения и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче; договор между Республикой Армения и Арабской Республикой Египет о выдаче; договор между Республикой Армения и Арабской Республикой Египет об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам; соглашение между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран о выдаче.

В них, как и во многих других договорах, установлены обязательные основания отказа в выдаче, которые практически полностью соответствуют существующим в современном международном праве основаниям отказа в выдаче. Поскольку существующий перечень таких оснований довольно широк, даже при очень большом желании невозможно исчерпывающим образом включить их в указанных договорах.

Следовательно, во избежание возможных проблем, которые могут возникнуть при рассмотрении отдельных дел о выдаче, предлагаем указать в перечне оснований возможного и/или обязательного отказа в выдаче, что в экстрадиции может быть отказано, если одна из сторон заключаемого договора имеет иные обязательства по договорам, стороной которых она является.

Другая не менее важная проблема, которую хотелось бы затронуть, это проблема скрытой экстрадиции, которая, несмотря на то, что очень часто встречается на практике, однако в силу своего «скрытого» характера, факт его совершения является очень трудно доказуемым. Скрытая экстрадиция возможна в тех случаях, когда виновного вместо экстрадиции депортируют в страну, где ему предъявляется обвинение в совершении преступления.

В настоящее время термин *депортация* является синонимом административного выдворения и означает вид административного наказания, применяющегося исключительно в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и заключающегося в их контролируемом добровольном выезде или принудительном выдворении (в том числе под конвоем) за пределы страны пребывания.

В отличие от экстрадиции, когда лицо передается другому государству в связи с его уголовным преследованием или исполнением приговора по соответствующей просьбе государства, где осуществляется такое преследование, при депортации и административном выдворении осуществляется принудительная высылка иностранного гражданина (лица без гражданства) из государства в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в данном государстве [5].

Однако в международно-правовой практике встречаются случаи, когда государства, желая избежать определенных процедурно-правовых сложностей, которые возникают или могут возникнуть во время выдачи лица, пытаются вместо экстрадиции депортировать лицо. В современной международно-правовой доктрине данная практика именуется «скрытой экстрадицией» (*disguised extradition*). Нередки случаи, когда скрытая экстрадиция осуществляется в отношении лиц, совершивших политические преступления, что является недопустимой практикой с точки зрения экстрадиционного права.

В настоящее время против Армении международными судебными органами не было вынесено ни одного такого решения, однако это не означает, что в действительности такая практика невозможна (скорее это свидетельство того, что в указанные судебные органы не были отправлены такие жалобы). Более того, на наш взгляд, для Армении эта практика присуща, как и другим государствам.

Для минимизации данного явления, на наш взгляд, армянская правовая система должна обратить особое внимание на эту практику, и создать более действенные механизмы для выявления данных противоправных явлений (в этом плане особой может быть роль правозащитных организаций).

Следующий вопрос, о котором хотелось указать в данной работе является вопрос выдачи лица, являющегося гражданином непризнанного государства. Несмотря на то, что этот вопрос не является типичным для экстрадиционного права, однако, данная проблема может приставить определенный интерес для Армении (в плане нагорно-карабахского вопроса). Как известно, вопрос непризнанных государств существует во всем мире, и редко является предметом рассмотрения в различных международных судах.

Поскольку указанная проблема для международно-правового сообщества является относительно новой, следовательно, правовая доктрина в этом плане также стала развиваться сравнительно недавно. Интерес к данному вопросу возрос прежде всего в связи с тем, что международное сообщество все больше стало уделять

внимание проблемам защиты прав экстрадируемых лиц, нежели «формально правовым».

В деле *“Romania v. Cheng”* впервые был рассмотрен, *inter alia*, вопрос о статусе непризнанного многими государствами страны Тайвань. Определение статуса Тайвань играло ключевое значение, поскольку в деле решался вопрос экстрадиции тайваньских граждан.

Суд решил, что Канада не обязана экстрадировать виновных тайванцев в Румынию, поскольку преступление не было совершено на их территории. Более того, несмотря на отсутствие каких-либо правовых или дипломатических отношений с Тайванем, Суд решил признать юрисдикцию Тайваня в данном деле [6].

Суд также признал и закрепил очень важный принцип, согласно которому отсутствие официального признания независимости государства, не может препятствовать оказанию друг другу правовой помощи. Такое решение однозначно является наиболее благоприятной с точки зрения защиты прав и свобод экстрадируемых лиц.

Рассмотренная практика может в будущем представлять определенный интерес для Нагорно-Карабахской Республики, поскольку с аналогичной ситуацией могут столкнуться и граждане Нагорно-Карабахской Республики или лица, которые не имеют такого гражданства (в силу различных исторических и правовых причин), однако всю свою жизнь проживавшие на данной территории. Можно привести следующий пример, с которыми указанные лица могут столкнуться.

Как известно, после событий в Сумгаите, а затем и после военных действий в Карабахе, многие карабахцы, часть из которых после распада Советского Союза (по разным причинам) получили азербайджанское гражданство, выехали из страны, и в настоящее время проживают в различных постсоветских государствах. Некоторые из них получили армянское гражданство, другие – гражданство страны-проживания, а некоторые остались гражданами Азербайджана.

В этом контексте проблема может возникнуть, например, если лицо, имеющее азербайджанское гражданство совершит преступление, на территории какого-либо постсоветского государства, в связи с этим возникнет вопрос об его экстрадиции в Азербайджан. На наш взгляд, с точки зрения защиты прав человека такая экстрадиция не должна быть допущена, однако на сегодняшний день никто из указанных лиц не защищен от нее. Поэтому нужно обратить особое внимание на данную проблему и попытаться найти способ избегания возможности допущения подобной экстрадиции.

Резюмируя вышеизложенное, попытаемся сделать некоторые выводы.

На наш взгляд, для создания действительно эффективных механизмов защиты прав экстрадируемых лиц, необходимо, *inter alia*, обратить особое внимание на следующие проблематичные вопросы:

1. Как в Российском, так и в Армянском законодательстве должны быть внесены соответствующие корректировки в нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие вопросы продления сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, которые, с точки зрения решений страсбургского суда, вынесенных против Российской Федерации не удовлетворяют требованиям ясности и предсказуемости.

2. Во избежание возможных проблем, которые могут возникнуть при рассмотрении отдельных дел о выдаче, лиц стране, не входящей в систему стран Совета Европы, предлагаем указать в перечне оснований возможного и/или обязательного отказа в выдаче, то что в экстрадиции может быть отказано, если одна из сторон заключаемого договора имеет иные обязательства по договорам, стороной которых она является;

3. Для минимизации возможностей осуществления скрытой экстрадиции, на наш взгляд, армянская право-

вая система должны обратить особое внимание на данную практику, и создать более действенные механизмы для выявления данных противоправных явлений (в этом плане очень важную роль могут сыграть правозащитные организации).

4. Предлагаем обратить особое внимание на проблему возможных нарушений прав лиц непризнанных государств, подлежащих выдаче (в контексте нагорно-карабахской проблемы), и попытаться (как на доктринальном, так и на правовом уровне) найти способы для избегания такой экстрадиции, где могут быть нарушены права и свободы данных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1997. 216 с.
2. Роль Европейской Конвенции по правам человека в защите экстрадируемых лиц // *Դատախաչի իշխանություն: Հոկտեմբեր, 2008թ.*, 6 (107).
3. Case of Soering v. United Kingdom, (Appication no. 14038/88); judgment; Srasbourg, 7 July 19.
4. Case of Nasrulloev v. Russia (Application no. 656/06), Judgment, Strasbourg, 11 October 2007, Final from 11/01/2008.; Para. 77.
5. Internetal Law. A South African Perspective / by John Dugard. Kenwyn: Juta and Company Ltd., 2001. 172 p.
6. Romania v. Cheng [1997] N.S.R.2d 13, 45 (Canada), reprinted in 15 Chinese Y.B. Int'l L. & Aff. 111-140 (1996-1997).

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF EXTRADITION FOR CRIMINAL PROSECUTION BY ARMENIAN LEGISLATION

© 2018

G.A. Hambardzumyan, applicant of Chair “Criminal Law and Criminal Procedure Law”
Russian-Armenian University, Yerevan (Armenia)

Keywords: extradition; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; national legislation; deportation.

Abstract: In the following article an attempt is made to take an integrated approach to conducting a legal study of the institution of extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentences in Armenia and abroad, which made it possible to identify the problematic aspects of extradition at the present stage, to identify some specific issues that may become problematic in the future for Armenia from the point of view of the protection of the rights of extradited persons.

Т.В. Балужева, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних; штрафы для несовершеннолетних; особенности применения наказаний в отношении несовершеннолетних; эффективность воздействия.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению вопроса привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, рассмотрению видов уголовных наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния, и подлежащих уголовной ответственности, рассмотрению особенностей применения данных видов наказаний и их эффективности. В первую очередь в статье рассмотрены психологические аспекты осознания несовершеннолетними своих поступков, способность анализировать и оценивать наступившие последствия, а также умение самостоятельно отвечать за совершенные деяния. С учетом требований Уголовного кодекса Российской Федерации определены возрастные критерии несовершеннолетних, подлежащих к привлечению к уголовной ответственности. Приведен перечень уголовных наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния. С учетом особенностей и специфики применения по отношению к несовершеннолетним, каждый из видов уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам, рассмотрен по отдельности. Проведен детальный анализ статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, в рамках которого установлены отличия между применением рассматриваемых видов уголовных наказаний по отношению к несовершеннолетним и взрослым преступникам, определены проблемные вопросы, возникающие при применении данных видов наказаний, а также рассмотрены возникающие дискуссии в рассматриваемой сфере. На основе проведенного анализа видов уголовных наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния, определена эффективность и гуманность их применения. Представлена на рассмотрение проблематика применения некоторых видов наказаний по отношению к несовершеннолетним, внесено предложение по введению дополнений в часть 3 статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, в части конкретизации количества часов, продолжительности обязательных работ, устанавливаемых для несовершеннолетних в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение литературы по ювенальной юстиции, в частности таких авторов как А.А. Пронин, Н.П. Мелешко, Л.Н. Андрищенко, О.Н. Ведерникова, Р.Р. Максудов, Е.А. Паламарчук, М.Г. Флямер, Н.Г. Яковлева показывает, что проблемы, обусловленные ростом преступности несовершеннолетних и «омоложением» преступников, остаются актуальными и на сегодняшний день [1, с. 3].

Основу поведения несовершеннолетних составляют несформированные нравственные позиции, неправильная трактовка некоторых явлений, высокий процент подверженности группового влияния, импульсивность и переходный возраст, ложная романтика, стремление к самоутверждению и подражание авторитетам, иногда далеко «не положительным». Данные факторы во многом влияют на совершение несовершеннолетними преступлений.

Как показывают исследования, базовые знания о собственной личности и трудовых навыках накапливаются у несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет. Именно, в этот период времени у них приобретает жизненный опыт, возникает критическое отношение к себе, появляется способность сознательно анализировать и оценивать свои поступки, определять свою роль и значимость, и поэтому именно в этот возрастной период возникает ответственность перед другими за последствия своих поступков [2, с. 71].

В.М. Целуйко посвятил много работ исследованиям взаимодействия родителей и детей, нравственным аспектам семьи, в ходе которых он отмечает, что нравственный опыт подростков формируется под влиянием родителей и педагогов, а также в общении с другими людьми. Недостатки в семейном воспитании ребенка, равнодушие со стороны окружающих взрослых людей дают сильный отрицательный эффект. Плохое отношение старших вызывает у ребенка стремление поступать вопреки установленным правилам, способствует возникновению негативных ощущений и приводит к агрессии [3, с. 1–3].

И.Ю. Юрченко утверждает, что на сегодняшний день отечественными и зарубежными психологами и социологами отмечается рост количества «трудных» детей.

Дети испытывают трудности в процессе социализации, воспитания и обучения, не стремятся к развитию себя как личности [4, с. 111–115].

Данные факторы подталкивают многих подростков к совершению преступлений, к противоправному поведению.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что с учетом психологических и социальных особенностей несовершеннолетних, законодательством их уголовная ответственность выделена в отдельный раздел в Уголовном кодексе Российской Федерации, согласно которому несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

В связи с указанными аспектами и особенностями несовершеннолетних, законодатель применяет в отношении несовершеннолетних определенные виды наказаний, перечень которых определен статьей 88 Уголовного кодекса Российской Федерации.

К ним относятся:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение свободы;
- лишение свободы на определенный срок [2, с. 61].

Актуальность темы заключается в рассмотрении специфики и особенностей применения данных видов наказаний в отношении несовершеннолетних, а также их эффективности.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Такой вид наказания как штраф назначается несовершеннолетнему лицу, как в качестве основного, так и дополнительного вида наказания, в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего за период от двух недель до шести месяцев, как при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка и иму-

щества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых [2, с. 209].

Уголовным кодексом Российской Федерации определено, что по решению суда штраф может взыскиваться с законных представителей несовершеннолетнего в том случае, если у несовершеннолетнего нет самостоятельного заработка и имущества, на которое может быть обращено взыскание.

В научной литературе по данному определению возникает много дебатов. Такие авторы, как О.В. Грицай и Ю.А. Тимошенко ссылаясь на статью 5 Уголовного кодекса Российской Федерации о принципе вины и статью 60 Уголовного кодекса Российской Федерации об общих началах назначения наказания, придерживаются мнения о том, что родители либо иные законные представители несовершеннолетнего не могут нести ответственность за него, так как уголовная ответственность «носит личностный характер» и эффективность назначенного судом наказания несовершеннолетнему будет сведена к нулю [5, с. 104; 6, с. 18–20].

По их мнению, такое решение принципиально меняет подход к решению вопросов уголовной ответственности и вряд ли может быть признано удачным. Однако данная норма действует и по сегодняшний день, что не позволяет нам пренебрегать ею.

Другие авторы, например Н.А. Лопашенко, нашли вполне приемлемые пути решения разногласий и придерживаются мнения о том, что возложение уплаты штрафа на родителей может быть эффективным в том случае, если несовершеннолетний проживает совместно с родителями и уплата штрафа затронет его материальные блага [7, с. 255–285].

Данная позиция вполне приемлема в наше время, и ее нельзя оставлять без внимания.

Второй вид наказания – лишение права заниматься определенной деятельностью. Может назначаться как в качестве основного вида наказания, так и дополнительного.

Данная мера наказания полностью основывается на положениях статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации, которой определен порядок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и не содержит каких-либо рекомендаций по его применению в отношении несовершеннолетних.

Многие авторы полагают, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, назначено быть не может, даже если к моменту рассмотрения дела в суде оно достигло совершеннолетия.

Мнения о том, что мера наказания в виде запрета занимать определенные должности в отношении несовершеннолетних является неэффективной и малоприменимой, либо вообще неприменимой к несовершеннолетним, придерживаются А.Э. Жалинский, А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог [8, с. 83].

Их точки зрения придерживается К.А. Долгополов, который считает, что применение лишения права занимать определенную деятельность в качестве основного или дополнительного наказания можно только к лицу, занимающемуся такой деятельностью, имеющему постоянную или временную работу [9, с. 103–104]. Поэтому предлагает вообще исключить данный вид наказания из перечня видов наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних.

Позволим себе с ним не согласиться, ведь рассматриваемое наказание состоит из двух разновидностей: запрета занимать должности на государственной службе или в муниципальных органах и запрета заниматься профессиональной или иной деятельностью.

По отношению к несовершеннолетним необходимо использовать только вторую разновидность наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью [10, с. 375].

Это конкретизировано и нормами статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации – в отношении несовершеннолетних применяется в качестве меры наказания лишь лишение права заниматься определенной деятельностью.

Содержание статьи 20 Трудового кодекса Российской Федерации гласит: «... несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, за исключением несовершеннолетних, приобретших гражданскую дееспособность в полном объеме, могут заключать трудовые договоры с работодателями при наличии собственных заработка, стипендии, иных доходов и с письменного согласия своих законных представителей (родителей, опекунов, попечителей)...» [11, с. 10].

Следовательно, несовершеннолетние могут быть официально трудоустроены в организациях.

В настоящее время широко распространена практика трудоустройства несовершеннолетних в летний, свободный от обучения период, с официальным заключением трудовых договоров, например через Комитет по делам несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов, Дом молодежных организаций либо иные молодежные организации, которые организуются на местном уровне территориальных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, рассматриваемая мера наказания может применяться к несовершеннолетним лицам в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, фактически и юридически занимающимся легальной трудовой деятельностью, которая по усмотрению суда может или могла способствовать совершению преступления либо являлась основополагающим фактором совершения преступления и на занятие которой необходимо наложить запрет.

Следующий вид наказания для несовершеннолетних как обязательные работы предусмотрен частью 3 статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, которой для несовершеннолетних установлено сокращение количества часов обязательных работ от 40 до 160 часов и определены максимальные пределы ежедневной продолжительности выполняемых работ:

- для лиц в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день;
- для лиц в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – трех часов в день.

Однако, не ясно, какая продолжительность обязательных работ должна быть у лиц от шестнадцати до восемнадцати лет.

Выполнение обязательных работ предусматривает под собой выполнение общественно полезного труда, который является средством воспитания личности подростка. Причем, следует отметить, что законодательством предусмотрено, что назначаться должны работы посылаться для несовершеннолетних, и должны выполняться ими в свободное от учебы или основной работы время [12, с. 95–104].

То есть, избранный вид обязательных работ должен соответствовать возрасту, физической силе и трудовым навыкам несовершеннолетнего. Работа не должна оказывать плохого влияния на здоровье несовершеннолетнего и его психологическое состояние. В то время как в отношении взрослых лиц обязательные работы должны выступать, наоборот, в качестве карательной меры наказания, исполнение которых не должно приносить радости, а быть нелегкими, приносить страдания и переживания, ибо только так возможно перевоспитание взрослых преступников.

Выполнение обязательных работ требует от осужденного определенного состояния здоровья, позволяющее ему выполнять физический труд, иначе будут применены положения части 4 статьи 49 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При назначении обязательных работ также необходимо учитывать место жительства несовершеннолетних, график учебы либо работы (если таковая есть), график

вовлечения в кружки и секции, возрастные особенности и имеющиеся профессиональные навыки.

Назначение обязательных работ допустимо в отношении несовершеннолетних, обучающихся в учреждения начального, среднего и высшего образования. Однако, необходимо учитывать, что если ребенок обучается на очной форме обучения, то исполнение обязательных работ не должно препятствовать и мешать процессу обучения.

Особых дискуссий по данному виду наказаний не имеется, а вот в сфере исполнения исправительных работ разразились дебаты.

Исправительные работы более строгий вид наказания, чем обязательные работы, и в соответствии с частью 4 статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации назначаются несовершеннолетним осужденным с максимальным сроком до одного года, который по отношению к ним является сокращенным. Минимальный срок исправительных работ для несовершеннолетних такой же, как у взрослых – от двух месяцев.

Это основной вид наказания с обязательным удержанием в пределах от 5 до 20 процентов из заработка в доход государства. Порядок отбывания данного вида наказания несовершеннолетними одинаков с порядком отбывания его взрослыми.

Исправительные работы отбываются в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органами, исполняющими наказания в виде исправительных работ, в районе места жительства несовершеннолетнего осужденного, что позволяет подростку ежедневно прибывать на работу и возвращаться с нее в место постоянного проживания.

С учетом статьи 63 Трудового кодекса Российской Федерации исправительные работы могут назначаться лицам, достигшим к моменту вынесения приговора 16 лет, а в исключительных случаях – 15 лет.

Сущность исправительных работ заключается в ограничении свободного времени несовершеннолетних, их трудовых и материальных благ [13, с. 47–49].

Осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы, не имеет права увольняться с работы по собственному желанию без разрешения в письменном форме уголовно-исполнительной инспекции, и ограничен в отпуске (отпуск предоставляется только на 18 дней) [14, с. 20–27].

В виду того, что при назначении исправительных работ осужденный несет материальные утраты в виде удержания из заработка, то при назначении исправительных работ необходимо учитывать материальное положение несовершеннолетнего [15, с. 97–99].

Многие авторы, ссылаясь на плохую экономическую ситуацию в стране и весьма проблематичный вопрос трудоустройства несовершеннолетних, в связи с установлением трудовым законодательством некоторых ограничений при приеме на работу несовершеннолетних, придерживаются мнения, что данный вид наказания практически не применяется к несовершеннолетним и перспектив для дальнейшего развития исправительных работ, как вида наказания, не имеется [15, с. 97–99; 16, с. 324–327].

Также как и В.В. Торубарова, мы придерживаемся мнения, что данный вид наказания имеет потенциал, потому что он не связан с лишением несовершеннолетних свободы и позволяет сохранить возможность остаться в семье, не утрачивая социальных связей; позволяет максимально использовать воспитательное воздействие на несовершеннолетних; а также формирует у них определенные трудовые навыки [17, с. 2841–2845].

Хотелось бы отметить мнение авторов, которые считают, что система основных средств исправления несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, должна отличаться по своему содержанию и характеру от требований, предъявляемых к порядку отбывания данного вида наказания взрослыми, и найти отражение в законодательстве.

Среди видов наказания, применяемых к несовершеннолетним, есть и такое как ограничение свободы. Здесь речь идет об определенных запретах, устанавливаемых судом, и ограничивающих свободу осужденных в определенной мере (статья 53 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Ограничение свободы предусматривает следующие запреты:

- не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток;
- не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования;
- не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;
- не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в них;
- не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы.

Для несовершеннолетних данный вид наказания не может быть дополнительным и назначается только в качестве основного сроком от двух месяцев до двух лет. Во всем остальном данный вид наказания применяется к несовершеннолетним по аналогии со взрослыми, с учетом требований статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации [2, с. 38].

В целях более продуктивного надзора предусмотрена обязательная явка в специализированный орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного по месту жительства, на регистрацию от одного до четырех раз в месяц.

Судебная практика показывает, что ограничения в виде запрета выезда за пределы территории муниципального образования либо смены места жительства не носят строго запрещающего характера, и, при надлежащем уведомлении органа, осуществляющего надзор, у осужденного имеется такая возможность.

При хорошем поведении, строгом соблюдении требований установленных ограничений и при наличии положительных характеристик, орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного, может ходатайствовать о частичной отмене ограничений либо досрочном их снятии, и, наоборот, при наличии отрицательных характеристик, нарушениях и не соблюдении установленных ограничений – осужденный может подвергнуться установлению дополнительных ограничений либо замене неисполненной части наказания на лишение свободы.

Ограничение свободы позволяет осужденному оставаться на свободе и не оказываться под влиянием криминальной среды [18, с. 23–25].

Данный вид наказания относительно «молодой», введен в действие с 10 января 2010 года Федеральным законом Российской Федерации от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ, и является альтернативой для лишения свободы на определенный срок.

Лишение свободы на определенный срок является последним и самым строгим видом наказания для несовершеннолетних. Эффективность данного вида наказания вызывает дискуссии в научной среде, политике и среди практических работников.

Одни авторы полагают, что лишение свободы является наиболее действенным способом влияния на поведение несовершеннолетнего преступника и только лишение его свободы позволит оказать то действительное воздействие, которое необходимо для перевоспитания подростка [19, с. 91–96].

Другие авторы считают, что такой вид наказания как лишение свободы необходимо применять к несовершеннолетним только при совершении ими тяжких и особо

тяжких преступлений, таким образом оградить общество только от тех несовершеннолетних, которые реально представляют опасность для общества.

Многие придерживаются мнения, что в отношении несовершеннолетних применение данного вида наказания должно свестись к минимуму, а не быть самым распространенным видом наказания [20, с. 188–193].

Ведь лишение свободы предусматривает изоляцию от общества путем направления в воспитательные колонии, где несовершеннолетние подвергаются негативно-му влиянию криминальной среды, которая вместо того, чтобы перевоспитать несовершеннолетних, накладывает отпечаток на их поведение в последующем и на расстановку «неправильных» авторитетов.

Статистика применения данного вида наказания показывает, что он остается самым распространенным и самым применяемым по отношению к несовершеннолетним. Тем не менее, законодателем внесены некоторые нотки гуманизма при назначении лишения свободы несовершеннолетним.

Так, частью 6.1 статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации сокращен наполовину нижний предел наказания за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Частью 6.2 указанной статьи предусмотрено условное осуждение с возложением дополнительных обязанностей для несовершеннолетних, осужденных условно, и совершивших повторное не особо тяжкое преступление, с учетом обстоятельств дела личности виновного.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

При рассмотрении видов уголовных наказаний, применяемых по отношению к несовершеннолетним, совершившим общественно опасные деяния, как недостаток следует отметить, что законодательством Российской Федерации не определена максимальная продолжительность обязательных работ, назначаемых несовершеннолетним, достигшим возраста шестнадцати лет, но не достигшим восемнадцати лет.

В связи с чем, предлагаем дополнить часть 3 статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации словами: ..., а лицам в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – не свыше четырех часов в день».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелешко Н.П., Андриющенко Л.Н., Ведерникова О.Н., Максудов Р.Р. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 787 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 960 с.
3. Целуйко В.М. Вы и ваши дети. Психология семьи. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 283 с.
4. Юрченко И.Ю. Психолого-педагогические особенности воспитания «трудных» подростков // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 36. С. 111–115.
5. Грицай О.В. Исполнительное производство в Российской Федерации. Самара: Универс групп, 2009. 334 с.
6. Тимошенко Ю.А. Некоторые вопросы назначения несовершеннолетним осужденным наказаний в виде штрафа // КриминалистЪ. 2010. № 2. С. 18–20.
7. Лопашенко Н.А. Уголовное наказание в России: состояние и проблемы закона, практики и уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 255–285.
8. Жалинский А.Э., Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Рарог А.И. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. М.: НОРМА-ИНФА-М, 2000. 639 с.
9. Долгополов К.А. Назначение несовершеннолетним наказаний в виде ареста и лишения права заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 103–104.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 2008. 560 с.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: актуальная редакция от 31.12.2017 с изменениями, вступившими в силу с 11.01.2018 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
12. Сутурин М.А. Особенности наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 95–104.
13. Рогова Е.В. Понятие и сущность исправительных работ, применяемых в отношении несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 47–49.
14. Рогова Е.В. Содержание исправительных работ, применяемых к несовершеннолетним // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 20–27.
15. Алтынбаева Л.М. Исправительные работы как вид наказания для несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. Т. 18. № 1. С. 97–99.
16. Дворецкий М.Ю., Курманова О.Н. Назначения, не связанные с лишением свободы, в системе видов уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 324–327.
17. Торубарова В.В. Особенности назначения исправительных работ несовершеннолетним // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. Т. 39. С. 2841–2845.
18. Скрипченко Н.Ю. Ограничение и лишение свободы как вид уголовного наказания: вопросы соотношения и проблемы применения в отношении несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2010. № 2. С. 23–25.
19. Алтынбаева Л.М. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних: проблемы применения и пути их совершенствования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. Т. 18. № 1. С. 91–96.
20. Киселева Е.С. Пределы лишения свободы несовершеннолетних: вопросы обоснованности и дифференциации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 188–193.

**THE TYPES OF CRIMINAL SANCTIONS APPLICABLE TO MINORS,
THE CHARACTERISTICS AND THE EFFICIENCY OF THEIR APPLICATION**

© 2018

T.V. Balueva, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal liability of minors; penalties for juveniles; especially of the enforcement of sentences against minors; the effectiveness of treatment.

Abstract: This article is devoted to consideration of a question of involvement of minors to criminal liability; to consideration of types of the criminal penalties applied concerning the minors who have made socially dangerous acts, and subject to criminal liability; to consideration of features of application of these types of punishments and their efficiency. First of all in article psychological aspects of understanding by minors of the acts, ability to analyze and estimate the come consequences and also ability to be responsible independently for perfect acts are considered. Taking into account requirements of the Criminal Code of the Russian Federation age criteria of the minors which are subject to criminal liability are defined. The list of the criminal penalties prescribed by the Criminal Code of the Russian Federation applied concerning the minors who have made socially dangerous acts is provided. Taking into account features and specifics of application in relation to minors, each of types of the criminal penalties imposed to minor criminals is considered separately. The detailed analysis of article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation within which differences between application of the considered types of criminal penalties in relation to minor and adult criminals are established is for this purpose carried out; the problematic issues arising at application of these types of punishments are defined and also considered arising discussions in the considered sphere. On the basis of the carried-out analysis of types of the criminal penalties applied concerning the minors who have made socially dangerous acts the efficiency and humanity of their application is defined. And in conclusion of consideration of a perspective of application of some types of punishments in relation to minors the offer on introduction of additions in part 3 of article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation, regarding a specification of a number of hours, duration of the obligatory works established for minors aged from sixteen up to eighteen years is made.

Дж. Бахшалиев, магистрант кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: безопасность; государство; национальная безопасность; религиозная безопасность; культура; общество; религиозная сфера правоотношений.

Аннотация: Целью статьи является привлечение внимания к проблеме религиозной безопасности, которая является важной не только для России, но и для всего мирового сообщества, учитывая происходящие в последние годы миграционные потоки из стран Северной Африки и близлежащих исламских государств в страны Европы. Сегодня в России много внимания уделяется проблемам национальной безопасности, куда традиционно включаются все основные сферы жизнеобеспечения государства и общества: политические, экономические, социальные, культурные, а также вопросы защиты прав и свобод граждан России. Правоохранительные органы постоянно делают заявления об эффективной борьбе с террористами, пресечении различного вида преступлений и разоблачении хранилищ оружия. В то же время, одним из достаточно мощных и эффективных видов оружия выступает религия, которой в настоящее время уделяется очень мало внимания со стороны органов, следящих за национальной безопасностью России.

В связи с обострившейся религиозной ситуацией на почве миграции в настоящей статье предлагается пересмотреть положения отечественного законодательства в части конкретизации и определения границ дозволенного и запрещенного в правоотношениях, возникающих по сфере религиозных отношений, что позволит в первую очередь правоохранительным органам обеспечивать более эффективную национальную защиту, в частности в религиозной сфере. При этом считаем важным сохранить международные положения о недопустимости дискриминации по признаку религиозной принадлежности, но вместе с тем, сделать упор на необходимость указания доминирующей религии России для решения проблемы жалоб граждан на некоторые неприемлемые для них обряды иных религиозных групп.

Сегодня в России много внимания уделяется проблемам национальной безопасности, куда традиционно включаются все основные сферы жизнеобеспечения государства и общества: политические, экономические, социальные, культурные, а также вопросы защиты прав и свобод граждан России. Правоохранительные органы постоянно делают заявления об эффективной борьбе с террористами, пресечении различного вида преступлений и разоблачении хранилищ оружия. В то же время, одним из достаточно мощных и эффективных видов оружия выступает религия, которой в настоящее время уделяется очень мало внимания со стороны органов, следящих за национальной безопасностью России.

Мировая история знает многочисленное количество примеров жесточайших войн на почве религии [1]. Также признанным считается и тот факт, что мотивация личности на почве религии является одной из самых суровых и устойчивых мотиваций, способных вынести многие испытания [2]. На сегодняшний день тема религии является краеугольной, и грань между национальной безопасностью и религиозной свободой самовыражения настолько тонка, что дабы не ухудшить и без того шаткое положение как внутри страны, так и на международной политической арене, правители многих стран предпочитают закрывать глаза и идти на поводу у различных религиозных организаций. Всеобщая декларация прав человека [3], Международный пакт о гражданских и политических правах [4], а также большое количество внутренних правовых актов многих государств строго прописали право человека на свободу вероисповеданиями религиозной свободы, чем в настоящее время начинают бессовестно пользоваться террористы. Они пользуются тем, что если правительство какого-либо государства уличат в так называемой религиозной дискриминации, или, что еще хуже, внутри государства начнутся подобные притеснения по признаку религиозной принадлежности, то разразится большой мировой скандал и вся страна будет объявлена неполиткорректной и неуважительно относящейся к другим лицам, которые имеют равные права на самовыражение, в том числе и в религиозной ее части. В то же время, необходимо посмотреть на ситуацию с другой стороны. Россия, бесспорно, многонациональная светская страна, в которой должны учитываться права всех видов религий, но, одновременно с тем, доминирующей религией, и это-

го нельзя пока отрицать, в России выступает христианство (православие). Об этом мы находим подтверждение преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [5], где отдельным акцентом выделена особая роль православия в истории России. На всей территории России подавляющее большинство храмов являются христианскими, а не, к примеру, мусульманскими, что также указывает на доминирование христианской религии перед всеми остальными, также как и русский язык закреплен в Конституции [6] как государственный. Следуя логике подобного размышления, неразумно с точки зрения соблюдения норм национальной безопасности было указывать в конституции России государственным языком русский язык, потому как это будет задевать интересы остальных республик в составе Федерации.

Для начала необходимо определиться с тем, что мы вкладываем в понятие религиозной и национальной безопасности. Поскольку национальная безопасность будет выступать родовым понятием по отношению к религиозной безопасности, которая охватывает лишь часть социальных правоотношений, которые должны регулироваться и охватываться национальной безопасностью, она должна трактоваться как всестороннее правовое и физическое состояние гражданина, при котором он чувствует себя в безопасности в своем государстве [7]. При этом религиозную безопасность можно трактовать в нескольких ключах – прежде всего, как возможность иметь право религиозное самовыражение без следующих вслед за этим притеснений и истязательств со стороны приверженцев иной веры, но, также одновременно и уверенность в том, что государство будет оберегать своего гражданина от чрезмерно открытого проявления иных религиозных культур [8]. В данном случае не следует забывать положения Конституции России, в которой указано, что свобода заканчивается там, где начинаются права и свободы другого гражданина. Соблюдение рамок религиозной свободы также имеет очень тонкую грань, и на государство возложена особо ответственная роль – регулировать степень приближения к краю грани различных религиозных организаций и граждан и иммигрантов – приверженцев иной, чем христианской, религии [9].

Мы ведем нить своего рассуждения к тому, что подобно учреждению в России государственного языка –

русского, необходимо также признать доминирование христианства, то есть объявить христианство государственной религией, что, по сути, мы имеем на практике [10]. Подобные правила уже установлены и прописаны во многих странах, преимущественно исповедующих ислам. Подобное изменение в конституционном строе страны позволило бы решить ряд острых проблем с безопасностью религиозного характера [11].

Уже на протяжении последнего десятилетия многие россияне выступают против проведения кровавых обрядов мусульманами на их празднества – речь идет о принесении в жертву барана или других домашних животных. Из соображений уважения к религии правоохранительные органы всей России не вмешиваются в подобные празднества, несмотря на то, что подобные действия со стороны приверженцев мусульманской религии нарушают положения статей 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) и статьи 213 УК РФ (хулиганство) [12]. В России официально запрещен забой скота в общественном месте, а подобные мероприятия оскорбляют чувства и права христиан, негативным образом действуют на психику малолетних православных детей, которые поневоле могут стать свидетелями подобных действий [13]. Та же самая проблема – жертвоприношение баранов во дворах, на балконах жилых домов и даже на детских площадках – едва ли эпидемия для российских городов: Самары, Москвы и других. Подобные действия также можно трактовать как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, что содержит признаки преступления, предусмотренного содержанием статьи 282 УК РФ. При этом растущие потоки мигрантов, не знающих правил жизни в государстве, которое встретило его гостеприимством также играют не последнюю роль в формировании неприязни по религиозному признаку. Но нравится нам это или нет, такова новая реальность – надо терпеливо учиться жить рядом. А те из правоверных мусульман, кто в родных местах демонстрирует набожность, а в чужом городе плюёт на тротуары и вытаптывают клумбы и парки, где устраиваются жертвоприношение, ещё больше противопоставляют себя культурной среде, которая их, конечно же, отторгает.

Таким образом, несмотря на то, что религиозные права должны учитываться и уважаться, тем не менее, в первую очередь должен уважаться закон того государства, где находится мигрант или гражданин своей страны [14]. Пока мы все не научимся уважать друг друга, уважать права и законы государства, говорить о безопасности, равенстве и правах – бессмысленно.

Прежде всего, Россия должна четко определить границы дозволенности в плане религиозной раскрепощенности. Далее, обозначить какой является государственная религия, наравне с государственной символикой и языком. При таких четких религиозных границах правоохранительные органы поймут, в какой момент им стоит вмешаться, а когда их действия будут расценены как притеснение по признаку религиозной принадлежности. Уже эти меры приведут к усилению религиозной безопасности страны [15].

Однако вопрос о необходимости усиления национальной безопасности страны находится в «сыром» состоянии, поэтому пока само понятие национальной безопасности не распространено повсеместно в законодательных актах. Так, легальное толкование данного понятия мы можем наблюдать в статье 6 «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» [16], а базовое понятие безопасности описано в одноименном Федеральном законе РФ «О безопасности» [17] и одновременно с ним толкует состояние угрозы. При этом необходимо учитывать, что все общественные отношения, где религия может стать условием или фактором возникновения угрозы необходимо причислить к религиозной сфере. Актуальный на сегодняшний день Федеральный

закон «О противодействии экстремистской деятельности» [18] также содержит положения, касающиеся религиозной безопасности, которые в нем раскрываются через необходимость пресечения, так называемого религиозного экстремизма.

Сами же религиозные преступления стоит трактовать как в узком, так и в широком смысле его содержания. Например, в узком смысле религиозные преступления следует воспринимать как преступления, совершенные на почве или по причине религиозной принадлежности как субъекта, так и объекта преступления. В широком же смысле религиозные преступления следует раскрывать как преступления, совершенные в связи или по причине воздействия религиозных разногласий между преступником и объектом преступных посягательств.

Нельзя отрицать того факта, что религиозная сфера правоотношений охватывает практически весь объем правоотношений, поскольку даже на почве гражданских правоотношений может вспыхнуть религиозный конфликт. Учитывая острую религиозную ситуацию, складывающуюся в настоящее время в Европе, нельзя оставлять без внимания положение религиозной сферы правоотношений как внутри России, так и в отношениях извне, связанных по данной сфере с Россией [19]. В государственной политике по национальной безопасности крайне необходимо уделять более пристальное внимание вопросам религиозной безопасности, а среди граждан поддерживать равноправие взаимное уважительное отношение между гражданами, имеющими различные религиозные взгляды [20].

Кроме того, на правоохранительные органы должна быть возложена нелегкая задача по своевременной идентификации и последующей нейтрализации потенциально опасных вспышек религиозных конфликтов. Эффективность работы правоохранительных органов будет гораздо выше, если указанные нами выше в статью поправки в законодательные акты найдут свою реализацию в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данн Р. Эпоха религиозных войн. М.: Центрполиграф, 2011. 315 с.
2. Психиатрия войн и катастроф / под ред. В.К. Шамрея. СПб.: СпецЛит, 2015. 431 с.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. № 67.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
6. Козлов С.В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 138 с.
7. Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе : дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 26 с.
8. Посадский Н. Войны библейской истории. М.: Сибирская благовонница, 2015. 352 с.
9. Шевкопляс Е.М. Уголовно-правовая охрана совести в России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. 194 с.
10. Тарасевич И.А. Классификация угроз религиозной безопасности России: конституционно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 23–29.
11. Тарасевич И.А., Кириллов Д.А. Проблемы совершенствования уголовно-правовых и организационных

- средств религиозной безопасности в сфере противодействия религиозным объединениям деструктивной направленности // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 60–65.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 13. ТР ТС 034/2013. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности мяса и мясной продукции (Вместе с <Микробиологическими нормативами безопасности продуктов убоя и промышленной стерильности консервов>, <Гигиеническими требованиями к детскому питанию и к физико-химическим показателям>, «Максимально допустимыми уровнями остатков ветеринарных (зоотехнических) препаратов, стимуляторов роста животных (в том числе гормональных препаратов) и лекарственных средств (в том числе антибиотиков)...») (Принят в г. Казани 09.10.2013 Решением 68 Совета Евразийской экономической комиссии) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: eurasiancommission.org/.
 14. Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках средних веков и раннего нового времени / под ред. О. Акимова. М.: Индрик, 2014. 115 с.
 15. Тарасевич И.А. Обеспечение религиозной безопасности в России и за рубежом: сравнительный конституционно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 3. С. 14–19.
 16. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1-П. Ст. 212.
 17. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Российская газета. 2010. № 295.
 18. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля. 2002. № 30. Ст. 3031.
 19. Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2013. 288 с.
 20. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109–119.

SOME METHODS OF INCREASING RELIGIOUS SECURITY IN THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY SYSTEM

© 2018

J. Bakhshaliev, graduate student of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: security; the state; National security; religious security; culture; society; religious sphere of legal relations.

Abstract: The purpose of the article is to draw attention to the problem of religious security, which is important not only for Russia, but for the entire world community, taking into account the migratory flows that have taken place in recent years from the countries of North Africa and the nearby Islamic states to European countries. Today in Russia much attention is paid to the problems of national security, which traditionally includes all the basic spheres of life support for the state and society: political, economic, social, cultural, as well as issues of protecting the rights and freedoms of Russian citizens. Law enforcement agencies constantly make statements about effective fight against terrorists, suppression of various types of crimes and exposure of weapons stores. At the same time, one of the most powerful and effective types of weapons is religion, which currently receives very little attention from the bodies monitoring the national security of Russia.

In connection with the defense religious situation on the basis of migration, this article proposes to revise the provisions of domestic legislation in terms of specifying and defining the boundaries of what is permitted and prohibited in legal relations arising in the sphere of religious relations, which in the first place protects oneself in the religious sphere. At the same time, we consider it important to preserve the international provisions on the inadmissibility of discrimination on the basis of religious affiliation, but at the same time, to emphasize the need to indicate the dominant religion of Russia to solve the problem of citizens' complaints against certain rituals of other religious groups that are unacceptable to them.

К.И. Дюк, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: меры защиты; процессуальные меры защиты; функции права и функции процессуальных мер защиты.

Аннотация: В статье рассматриваются процессуальные меры защиты, их цели и функции. Также рассмотрены особенности, характеризующие данную категорию мер. Приведена взаимосвязь общих функций права и общих функций мер защиты.

ВВЕДЕНИЕ

Нормальное функционирование «здорового» правового государства и гражданского общества нельзя представить без применения различных форм судопроизводства и иных разрешенных законом способов разрешения конфликта. В свою очередь разумное функционирование юридического процесса достигается путем защиты различными правовыми средствами, к числу которых, в том числе, относятся процессуальные меры защиты.

Исследуя цели и функции процессуальных мер защиты возьмем за основу следующее их определение: «процессуальные меры защиты – это охранительные правовые средства, применяемые как в случае правонарушения, так и в случае иных юридических фактов (событий, деяний, явлений), в том числе не обладающих признаком противоправности, не реализующие карательную функцию, а преследующие цели нормализации общественных отношений, восстановления нормального функционирования юридического процесса, пресечения его нарушений, обеспечения исполнения процессуальных обязанностей и безопасности участников процесса».

Определяя процессуальные меры защиты, первоочередно, следует выделять цели данных мер, то есть непосредственно то, на что, в конечном счете, направлено воздействие той или иной меры. Между тем, для всестороннего исследования сущности мер процессуальной защиты, наравне с их целями, следует выделить и их функции. Это позволяет наиболее полно раскрыть процессуальные меры защиты с точки зрения их содержательной составляющей.

В юридической науке ведется дискуссия о сущности процессуальных мер защиты, их юридической природе, функциях, которые они осуществляют, и целей, которым они служат. Авторы не сходятся в едином мнении относительно данных аспектов. В этой статье постараемся разобраться и выделить подсистему целей и подсистему функций процессуальных мер защиты, сформировать классификацию функций, построенную на основе классификации функций права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Всестороннее исследование правовых категорий «цели процессуальных мер защиты», «функции процессуальных мер защиты» осуществим посредством традиционных методов познания: диалектического, системного, функционального, сравнительного, научно-описательного (экспериментально-теоретического), метода индукции и дедукции и частных научных методов исследования – сравнительно-правового, структурно-правового.

При выявлении целей и функций процессуальных мер защиты необходимо использовать системный, структурный и функциональный методы. Общее и различное в функциях права и функциях процессуальных мер защиты выделим с использованием сравнительного метода. Также данным методом добьемся сравнения различных точек зрения на само понимание целей и функций процессуальных мер защиты, при этом также применим метод аналогий и обобщений. Данный метод поможет и

при формировании выводов проведенного в статье исследования.

При использовании правовых и иных документов необходимо руководствоваться социологическим и статистическим методом.

Кроме того, следует применить метод системного анализа и логический метод. Первый из них нам поможет проанализировать совокупность целей и функций процессуальных мер защиты, второй – структурно изложить материал статьи и сформулировать результаты исследования (основные выводы работы).

Итак, абсолютно очевидно, что главенствующей целью любой применяемой процессуальной меры защиты, является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений, а также правильное своевременное и справедливое рассмотрение и разрешение дел. Также дополнительно можно определить самостоятельность следующих целей процессуальных мер защиты:

- укрепление законности и правопорядка;
- формирование уважительного отношения к закону, суду и иным участникам/сторонам процесса.

Цели, заключающиеся в предупреждении нарушений права и объективно-противоправных деяний; пресечении нарушений права и объективно-противоправных деяний; восстановлении, регулировании и упорядочивании общественных (процессуальных) отношений; обеспечении безопасности жизнедеятельности людей (участников процесса) стоят на более высоком уровне, поэтому данные цели заслуживают четкого их определения в виду их значимости в процессе формирования гражданского общества и правового государства.

Цель восстановления, регулирования и упорядочивания процессуальных отношений – это идеальная будущая модель процессуальных отношений, к которой стремятся участники законодательной и правоприменительной деятельности, достигаемая путем приведения в прежнее состояние нарушенных процессуальных отношений, а также их регулирование и упорядочивание посредством применения процессуальных мер защиты.

Цель предупреждения нарушений права и объективно-противоправных деяний – это идеальная модель действующих процессуальных отношений, исключающая их нарушение, к которой стремятся участники законодательной и правоприменительной деятельности, достигаемая путем недопущения нарушений функционирования общественных отношений.

Цель пресечения нарушений права и объективно-противоправных деяний – это идеальная модель функционирования и взаимодействия субъектов процессуальных отношений, направленных на пресечение начавшихся нарушений права или объективно-противоправных деяний.

Цель безопасности жизнедеятельности – это идеальная модель функционирования и взаимодействия субъектов процессуальных отношений, направленных на безопасность всех участников процесса и в целом общества и государства в целом.

Следует помнить, что та или иная процессуальная мера защиты может обладать двойственной направлен-

ностью. Например, такие меры, как отмена незаконных актов (ст. 328, 334, 390, 391.12 ГПК РФ [1], ст. 269, 287, 291.14, 308.11 АПК РФ [2], ст. 309 КАС РФ [3], ст. 389.20-389.27, 401.14, 412.9, 412.11, 418 УПК РФ [4] и др.); принудительный привод и меры принудительного исполнения решений (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ [1]; ст. 27.15, ч. 3 ст. 29.4, ч. 1 ст. 29.7 КоАП РФ [5]; ч. 6 ст. 42, ч. 7 ст. 56, ст. 111, 113, ч. 3 ст. 188, ч. 3 ст. 247 УПК РФ [4], ч. 8 ст. 51, ст. 116, 120, 150, 151 КАС РФ [3] и др.) направлены как на восстановление нарушенных субъективных прав, правопорядка, так и на принудительное исполнение процессуальных обязанностей, пресечение допущенного отклонения от нормального хода процесса, а значит преследует одновременно несколько целей.

Аналогичная двойственность просматривается и при применении различных процессуальных фикций (фикция признания факта, для которого была назначена экспертиза, в случае уклонения стороны от участия в экспертизе, отказа в предоставлении необходимых материалов и документов для исследования – ст. 79 ГПК РФ; фикция признания факта получения судебной повестки в случае несообщения суду о смене адреса во время производства по делу – ст. 118 ГПК РФ [1] и др.).

На основе приведенного следует отметить, что для достижения целей процессуальных мер защиты данные меры выполняют ряд функций. Указанные цели задают главные направления правового воздействия мер процессуальной защиты, обуславливают существование регулятивной, восстановительной, охранительной функций. Функции процессуальных мер защиты определяются и направляются ее целями. Если цель есть достижение некоего «идеального» результата, то функции – это основные направления, посредством которых воплощаются цели процессуальных мер защиты и раскрывается назначение данных мер.

Таким образом, функции и цели процессуальных мер защиты имеют непосредственную тесную связь друг с другом, образуют две подсистемы – подсистему целей и подсистему функций, которые относятся к общей системе целей и функций. Указанные подсистемы имеют внутреннюю взаимосвязи и непрерывно взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие направлено на достижение целей процессуальных мер защиты не изолированно друг от друга, а в системе, в результате последовательной реализации.

Важность определения функций также предопределена и тем, что через них проявляются направления правового регулирования, раскрывается качественное содержание, востребованность и динамика в общественной жизни. На сегодняшний день большинство исследователей сходятся в том, что функции правовых явлений проявляются в направлении правового воздействия на общественные отношения, поведение субъектов деятельности, в котором раскрывается их сущность, характер и социальное предназначение [6; 7]. Прежде чем рассмотреть сущность, характер и классификацию функций процессуальных мер защиты, необходимо определить содержание понятия функций права и их разновидностей, так как функции мер защиты являются видовым проявлением функций права и содержат в себе их признаки.

Огромное количество исследователей сходятся в определении понятия функций права, понимая под ним направленность воздействия на общественные отношения, правосознание и правовую культуру субъектов права, социальное назначение права. Практически все авторы, рассматривающие классификацию функций права, выделяют следующие их виды: регулятивную, охранительную, воспитательную [8, с. 154; 9; 10].

Вместе с тем относительно регулятивной функции права исследователи не пришли к единому мнению. Н.И. Матузов и А.В. Малько, например, регулятивную функцию права разделяют на регулятивную статиче-

скую и регулятивную динамическую, называя их подфункциями регулятивной функции права [11]. М.И. Байтин данные функции относит к самостоятельным функциям права, выделяя при этом в отдельный вид регулятивную охранительную функцию, называя ее функцией негативного регулирования. В качестве направленности действия данной функции автор называет достижение нормального осуществления регулятивной статической и регулятивной динамической функции [12]. В своих работах В.В. Лазарев, Т.Н. Радько, А.Н. Торопов в качестве функций права выделяют компенсационную, обеспечительную, ограничительную и восстановительную функции [13; 14]. Проверка обоснованности полноты и достаточности приведенных учеными классификаций функций права не является целью нашего исследования, тезисно отметим лишь, что, исходя из выделенных нами целей права, поддерживаем самостоятельность следующих функций права: регулятивной, охранительной, восстановительной. Регулятивную статическую и регулятивную динамическую функции следует относить к подвидам регулятивной функции, так как они имеют прочную связь друг с другом. Охранительная функция, несмотря на то, что она находится в непосредственной взаимосвязи с регулятивной функцией, на наш взгляд, не должна являться подвидом, так как имеет самостоятельные, свойственные только ей признаки и правовые средства, используемые для ее реализации.

Научному сообществу известно несколько различных точек зрения относительно функций мер защиты. Ряд авторов рассматривает функции мер защиты в свете отграничения их от функций юридической ответственности. С.С. Алексеев одним из первых указал, что юридической ответственности присуща штрафная функция, а мерам защиты – восстановительная, а также подчеркнул, что функция мер защиты сводится к обеспечению исполнения юридической обязанности, защиты права [15]. Такого же мнения придерживается С.Н. Кожевников, дополнительно выделяя карательную функцию юридической ответственности [16, с. 52]. С.В. Евдокимов, разграничивая меры ответственности и меры защиты, отмечает, что главная функция юридической ответственности – наказание, кара; функция же мер защиты сводится к восстановлению прежнего положения субъекта [17].

Другая группа авторов ограничивается лишь перечислением функций мер защиты. Например, С.П. Гришин, рассматривая уголовно-процессуальные меры защиты, отмечает наличие восстановительной функции [18]. А.А. Тебряев в гражданском праве выделяет функцию защиты правопорядка [19, с. 64]. А.И. Каплунов пишет, что основной функцией правоспособных мер (мер защиты) является восстановительная или компенсационная функция [20, с. 5]. К.М. Сарсенов отмечает, что меры защиты выполняют компенсационную, возместительную или правоспособную функцию [21]. И в первой и во второй группе авторы, рассматривая функции мер защиты, в целом ограничиваются лишь определением восстановительной направленности данных мер, умалчивая о других функциях, присущих данному виду мер.

А.П. Вершинин к функции восстановления добавил предупредительную функцию гражданско-правовых мер защиты [22, с. 55]. Д.Н. Кархалев, рассматривая гражданско-правовые меры защиты как правовую форму государственного принуждения, выделил у данных мер, помимо главной, восстановительной функции, функцию пресечения и обеспечения [23]. А.А. Левков пишет, что меры защиты осуществляют восстановительную, превентивную, правообеспечительную функцию. Ученый отмечает, что «функции мер защиты базируются на охранительной функции права» [24]. Следующая группа авторов дополнительно к функциям мер защиты относит функцию пресечения («аномального поведения» [25], правонарушения [26]).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Абсолютно несправедливо, на наш взгляд, все перечисленные исследователи упускают из вида функцию обеспечения безопасности и регулятивную функцию, которые следует выделить исходя из деления функций права на регулятивную и охранительную функции. Мы поддерживаем мнение Д.А. Липинского и А.А. Мусаткиной, которые у мер защиты выделяют функцию обеспечения безопасности. Данная функция, по мнению правоведов, проявляется в «упреждении, нейтрализации или ликвидации негативных факторов экологического или техногенного воздействия, а также для создания состояния защищенности для субъектов уголовного процесса и (или) правоохранительных, судебных и контролирующих органов» [27]. Данная функция, как и превентивная и пресекательная функция мер защиты, базируется на охранительной функции права.

Что касается регулятивной функции мер защиты, то мы придерживаемся мнения, что данная функция является самостоятельной, так как на сегодняшний день она четко прослеживается на примерах действующего законодательства, регулирующего общественные отношения, которые возникают в связи с применением мер защиты к обособленным группам субъектов либо обособленными группами субъектов, устанавливая между ними порядок взаимодействия. Например, ФЗ РФ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [28] регулируются отношения обеспечения государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников судопроизводства; ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [29] – защиты информации; ФЗ РФ «О государственной охране» [30] – защиты охраняемых объектов. Во всех перечисленных законах содержится определенная совокупность норм, которую следует отнести к институту защиты.

Мы не можем поддержать тех ученых-правоведов, которые называют лишь восстановительную функцию, так как прослеживается сужение функции до одной направленности. Также мы не согласны с исследователями, выделяющими компенсационную, возместительную, общесоциальную и правосстановительную функции в самостоятельный вид, так как данные функции, на наш взгляд, преследуют общую цель – восстановительную, а значит, могут быть отнесены к функции восстановления. Более того, нецелесообразно выделять в самостоятельный вид стимулирующую функцию, так как она с легкостью может быть отнесена к регулятивной функции мер защиты, которую мы обособили исходя из принятого деления функций права на регулятивную, охранительную и восстановительную функции.

У процессуальных мер защиты следует обособлять регулятивную, предупредительную, пресекательную, превентивную функции и функцию обеспечения безопасности. Также, на наш взгляд, следует поддержать А.Г. Бессолицына, отмечающего, что «все существующие классификации функций мер защиты не содержат в себе указания на критерии, которые ложатся в основу той или иной классификации». Ученый предлагает следующие критерии разделения функций мер защиты:

- характер и цели воздействия на общественные отношения (регулятивная, предупредительная, пресекательная, восстановительная и функция обеспечения безопасности);
- отраслевая принадлежность (конституционная, гражданско-правовая, уголовная, административная, трудовая, финансово-правовая, гражданско-процессуальная, уголовно-процессуальная и т. д.);
- сфера действия (общеправовая, межотраслевая и отраслевая) [10].

Еще раз уточним, что цели и функции процессуальных мер защиты разнообразны и зависят от применяемых мер защиты. Одна мера защиты может преследовать одновре-

менно несколько целей и функций. Так, например, ст. 159 ГПК РФ содержит в себе такую процессуальную меру защиты, как предупреждение, объявленное лицу в случае нарушения им порядка в судебном заседании [1]. Данная мера направлена как на обеспечение нормального хода процесса, так и на соблюдение принципа состязательности, соответственно, при применении данной меры защищаются интересы и суда и сторон по делу.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В завершении проведенного исследования выделим основные цели процессуальных мер защиты, определим понятие функции процессуальных мер защиты и их разновидности.

Среди целей процессуальных мер защиты следует выделять: восстановление правопорядка, правосстановление (признание нормативных/ненормативных актов недействительными, отмена, изменение процессуальных решений, возобновление производства по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, принудительный привод свидетеля); предупреждение/пресечение нарушений права и объективно-противоправных деяний (меры пресечения, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, возвращение процессуальных документов); охрана и формирование правомерного поведения субъектов, которое, в конечном счете, направлено на упорядочивание общественных отношений, связанных с применением мер защиты (предупреждение и удаление из зала судебного заседания, предупреждение присутствующим в зале судебного заседания). Всю совокупность целей процессуальных мер защиты можно разбить на ближайшие (тактические) и перспективные (стратегические) цели.

Функция процессуальных мер защиты – это направление воздействия на общественные отношения, правосознание субъектов процессуальной деятельности, в котором раскрывается качественное содержание, социальное назначение и динамика данных мер.

Основные функции процессуальных мер защиты:

- восстановительная;
- регулятивная;
- превентивная;
- пресекательная;
- функция обеспечения безопасности.

В основе выделения данных функций лежит критерий характера и целей воздействия.

Регулятивная функция процессуальных мер защиты – это одно из проявлений регулятивной функции права, заключающееся в закреплении и оформлении динамики общественных отношений, связанных с реализацией юридических мер защиты.

Восстановительная функция процессуальных мер защиты – одно из проявлений восстановительной функции права, заключающееся в таком воздействии, которое восстанавливает процессуальный правопорядок и обеспечивает исполнение процессуальных обязанностей.

Превентивная функция процессуальных мер защиты – это направление правового воздействия процессуальных норм мер защиты на поведение субъектов процессуальных отношений, нацеленное на предупреждение и недопущение отклонений от нормального хода отношений участников процессуальной деятельности. К объектам превентивной функции относятся воля и сознание участников процессуальных отношений.

Пресекательная функция процессуальных мер защиты – это направление правового воздействия процессуальных норм мер защиты на поведение субъектов процессуальной деятельности в случае уже начавшегося отклонения от нормального хода процесса с целью оказать влияние на их правопослушное поведение для минимизации вредных последствий. Объектом реализации данной функции является воля и сознание участников процесса, допустивших поведение, отличное от правового предписания.

При наличии общих целей и способов осуществления превентивная и пресекательная функции мер защиты имеют определенные различия: предупредительная функция действует на информационном уровне, упреждая субъекта от правонарушения; пресекательная реализуется при наличии правового отклонения как реакция компетентных органов на данное отклонение от правил поведения.

Функция обеспечения безопасности – это направление правового воздействия, заключающееся в создании состояния защищенности участников процесса, обеспечения нормального хода процессуальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ: принят Государственной Думой 23.10.2002 г.: одобрен Советом Федерации 30.10.2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: принят Государственной Думой 14.06.2002 г.: одобрен Советом Федерации 10.07.2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства РФ: принят Государственной Думой 20.02.2015 г.: одобрен Советом Федерации 25.02.2015 г. // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: принят Государственной Думой 22.11.2001 г.: одобрен Советом Федерации 5.12.2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях: принят Государственной Думой 20.12.2001 г.: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
6. Мелихов В.А. Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
7. Шишкин А.Г. Меры юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 27 с.
8. Синюков В.Н. Функции права. Теория государства и права. М.: Юристъ, 1997. 776 с.
9. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М, 2002. 616 с.
10. Бессолицын А.Г. Цели и функции юридических мер защиты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 177 с.
11. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько, М.И. Байтина. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
12. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М.: Право и государство, 2001. 544 с.
13. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
14. Торопов А.Н. Восстановительная функция права (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 25 с.
15. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
16. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 52–53.
17. Евдокимов С.В. Правовосстановительные меры в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 31 с.
18. Гришин С.П. Ответственность и меры защиты в уголовном процессе // Право. Власть. Законность. Н. Новгород: Норма, 1997. С. 198–202.
19. Тебряев А.А. Меры ответственности и меры защиты в гражданском праве // Юридическая мысль. 2001. № 6. С. 60–71.
20. Каплунов А.И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5–13.
21. Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 196 с.
22. Вершинин А.П. Меры защиты субъективных прав по гражданскому законодательству // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 1988. С. 54–59.
23. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
24. Левков А.А. Меры защиты в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. 216 с.
25. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.
26. Ермаков А.Н. Меры защиты в арбитражном процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 185 с.
27. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность: санкции и меры защиты. М.: Инфра-М, 2013. 139 с.
28. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: принят Государственной Думой 31.07.2004 г.: одобрен Советом Федерации 8.08.2004 г. // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
29. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: принят Государственной Думой 08.07.2006 г.: одобрен Советом Федерации 14.07.2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.
30. Федеральный закон «О государственной охране»: принят Государственной Думой 24.04.1996 г.: одобрен Советом Федерации 15.05.1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

SUBSYSTEM OBJECTIVES AND FUNCTIONS OF THE PROCEDURAL PROTECTION MEASURES

© 2018

C.I. Dyuk, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal law and procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: measures of protection; remedial measures of protection; the functions of law and the functions of remedial measures of protection.

Abstract: In the article the author considers remedial protective measures and the purpose of their application and their functions. Also he considers peculiarities that characterize given category of measures. The relationship of common goals and general functions of the protection measures is given in this work.

**КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ
(УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КОРРУПЦИЮ)**

© 2018

К.С. Кочарян, аспирант кафедры «Уголовное право и уголовно-процессуальное право»
Российской-Армянский Университет, Ереван (Армения)

Ключевые слова: коррупция; уголовно-правовое воздействие; антикоррупционное законодательство; борьба против коррупционеров.

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы опасности коррупции для общества и государства, вопросы необходимости воздействия на нее – с использованием уголовно-правовых мер воздействия.

В результате сравнительно-правового и историко-правового анализа законодательств и правовой реальности Армении, России и Османской Империи сделаны предложения по повышению эффективности воздействия на коррупцию.

Рост коррупционных преступлений является серьезной угрозой для национальной безопасности любой страны. Россия и Армения в течение многих лет входят список самых коррумпированных стран мира по индексу восприятия коррупции Transparency International. В 2010 году Россия заняла 154 место в рейтинге коррумпированности стран мира по версии Transparency International (всего исследованы 178 стран). В 2011 году Россия улучшила свои позиции в рейтинге на 143 место (всего исследованы 182 страны). В 2012 году Россия вновь улучшила позицию в рейтинге, набрав по новой шкале 28 баллов и поднявшись на 133 место (из 174), а в 2015 и в 2016 году Россия заняла соответственно 119 и 131 место.

Ситуация аналогична и в Республике Армения. По итогам 2016 года Армения оказалась на 113 строчке в рейтинге восприятия коррупции Transparency International, разделив данную позицию с Боливией и Вьетнамом. Согласно рейтингу, наиболее коррумпированной страной в нашем регионе является Азербайджан – 123 место. Иран, как и Россия, находится на 131 строчке, Грузия на 44, а Турция занимает 75 место. Страной с минимальным уровнем восприятия коррупции признана Дания, в 2016 году она разделила первое место в рейтинге с Новой Зеландией.

В коррумпированных странах социальная сфера не дополучает финансовых и материальных ресурсов, экономика не развивается в полной мере, падают нравственные ценности населения, а коррупция становится повседневной частью жизни человека. В связи с этим, противодействие коррупции должно стать не только важным элементом внутригосударственной политики, но и предметом исследования в области уголовного права и криминологии.

Коррупционные явления в России имеют свою историческую предпосылку, в частности традиции мздоимства и лихоимства известны давно. В Советском Союзе тоже коррупция была распространена. Этапом новых радикальных изменений для уголовно-правового воздействия на коррупцию можно считать ратификация Российской Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции), Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции».

В Армении коррупция имеет глубокие исторические корни. Распространение коррупции прежде всего было связано с отсутствием государственности. Армянский народ, находясь под властью Османской Империи и Персии, старался по возможности решать свои проблемы с чиновниками этих государств с помощью коррупционных механизмов, которые были широко распространены в этих

империях. Османская Империя была коррумпирована до такой степени, что взятки брал даже сам султан.

После распада СССР Армения и Россия предпринимают меры противодействия коррупции, но коррупция продолжает оставаться на высоком уровне. Указанные обстоятельства доказывают факт актуальности темы исследования для уголовного права.

ОПАСНОСТЬ КОРРУПЦИИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА И НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Османская империя в первые времена своего существования была сильной теократической исламской сверхдержавой, главой которой был султан. Основная сила империи была армия еничери, которая со временем начала терять боеспособность из-за коррумпированности офицеров. Даже запреты Корана не смогли остановить распространение коррупции, в результате чего Османская империя ослабела и рушилась. «Султанские» указы уже не могли исправить положения. Вместо прежних морально-теократических ценностей в Османской империи стали выдвигаться совсем другие, самой главной из которых становился «золотой телец». Соответственно «в османском обществе прежняя иерархия, основанная на функциональных критериях, постепенно стала заменяться иерархией, построенной на принципе материального положения. Бедные в империи беднели, а богатые – богатели. Самым неприятным было то, что беднели основные производители страны – крестьяне. Налоги разоряли как мусульманское сельское население, так и не мусульманское. Это привело к оттоку населения, искавшего лучшей доли, в крупные города, которые тоже не могли обеспечить всех пришедших работой. В итоге большинство пришедших «падали на дно» городского общества, пополняя ряды люмпенов, являвшихся питательной средой для разного рода преступлений и социальной нестабильности в стране» [1]. Как видим, коррупция в Османской Империи привела к разрушительным последствиям для государства:

В Османской империи моральные ценности населения изменились, и материальное благосостояние стало важнее всего для людей, что привело к распространению коррупции среди чиновников.

«Султанские указы уже не могли исправить положение». Типичная ситуация: автор конкретно не указывает причину, почему указы уже не воздействовали, но из общего контекста работы становится ясно, что причиной была коррумпированность чиновников. Известно, что в странах с высоким уровнем коррумпированности указы высшей власти не выполняются или выполняются не эффективно.

«Бедные в империи беднели, а богатые – богатели»: шел процесс расслоения и поляризации населения. Один из опасных последствий коррупции – не умение государства правильно распределить общественное благо.

Коррупцированные на всех уровнях власти чиновники, используя свои полномочия, перераспределяют общественное благо между собой, социально уязвимый класс остается без средств для нормального существования.

Указанные общественно опасные последствия стали одним из главных причин ослабления и распада Османской Империи, которая в свое время была региональной сверхдержавой.

Вышеупомянутый список опасных последствий коррупции далеко не исчерпывающий, но достаточный для понимания уровня опасности этого явления. Падение моральных ценностей, становление денег и имущества высшей целью, всё это склоняет людей к приобретению всеми возможными способами данных благ, в том числе и с использованием своих должностных полномочий – вопреки общественным интересам, особенно когда контроль со стороны государства слабый. Получается замкнутый круг – для преодоления коррупции нужен сильный государственный контроль, а для сильного контроля нужны некоррупцированные чиновники.

Коррупцированность должностных лиц усложняет борьбу против коррупционеров. За последние несколько лет власти Армении и России активно принимают законы и указы для противодействия коррупции, но данные Transparency International показывают, что ситуация в наших странах не меняется желательным образом.

Идет глубокое расслоение и поляризация населения. Разделяется некая закрытая группа неприкосновенных людей, которые богатеют, а обычные люди беднеют. Складывается впечатление отсутствия социальной справедливости в стране, люди начинают не верить в свое будущее и уезжают в другие страны. В случае Армении вопрос иммиграции стоит особенно остро.

Таким образом, анализ последствий коррупции на примере Османской Империи показывает, что коррупция – угроза для национальной безопасности Армении и России, которую нужно преодолеть. Для преодоления коррупции можно использовать разные меры воздействия, в ряде которых важное место занимают уголовно-правовые меры.

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ «ВОЗДЕЙСТВИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Поскольку сама коррупция обладает индивидуальностью и связана с особенностями жизни людей, то среди причин происхождения коррупционных явлений и средств противодействия им следует выделить нравственные, социальные, политические и иные средства противостояния коррупции, в числе которых основное место занимают правовые средства регулирования и противодействия коррупции. Анализ понятий «регулирование» и «воздействие» позволил сделать вывод о том, что часто они не различаются по смыслу и это затрудняет уголовно-правовое понимание. Так, воздействие рассматривается в качестве механистического его применения, в соответствии с которым уголовно-правовая норма воздействует на субъекты правоотношений посредством угрозы санкции за ее несоблюдение, исполняя при этом общеприветливую или частноприветливую функцию [2]. Понимание уголовно-правового воздействия должно строиться на адекватности восприятия уголовно-правовой нормы, не ограничивающей ее восприятие соответствующей санкцией. По мнению С.С. Алексева, правовое регулирование возможно за счет определенных форм и звеньев – запретов, правоспособности, прав и обязанностей, поскольку правовое регулирование – это взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [3].

В основе категории «механизм правового регулирования» лежит система правовых средств, в числе которых, правовые нормы, правоотношения, правопримени-

тельные акты и юридические последствия правоприменения. Такой подход в юридической литературе признан инструментальным [4].

Представляет интерес и разница использования понятий «противодействие коррупции» и «борьба с коррупцией». Противодействие – это действие, препятствующее другому действию, сопротивление, и несет более нейтральный характер, а борьба – это схватка, во время которой каждая сторона питается одержать победу над другой.

На наш взгляд в перечень мер уголовно-правового характера воздействия входят оба понятия. Уголовно-правовое противодействие коррупции ведется с помощью использования уголовно-правовых норм (антикоррупционные законы, указы) а уголовно-правовую борьбу против коррупционеров ведут правоохранительные органы, органы национальной безопасности, прокуратура, гражданское общество.

Как справедливо отмечают ученые, для преодоления коррупции недостаточно только придание юридической силы политически мотивированным решениям и формирование практики их применения. Представляется ошибочной едва ли не общепринятая позиция рассматривать факт издания нормативного правового акта как решение проблемы, поскольку правовые меры должны сочетаться с иными, не правовыми мерами противодействия коррупции, которые будут убеждать общество в ее пагубности и разрушительной силе [5].

Итак, учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Коррупция – угроза для национальной безопасности страны, которую необходимо преодолеть.

2. Уголовно-правовое воздействие на коррупцию – это сложная система уголовно-правовых мер и методов воздействия с использованием легитимных репрессивных мер и методов воздействия, целью которых является преодоление коррупции в стране.

Воздействие на коррупцию в уголовно правовом смысле можно условно разделить на 2 части:

1. Уголовно-правовое противодействие на коррупцию с помощью уголовно-правового законодательства.

2. Уголовно-правовая борьба против коррупционеров, на основе антикоррупционного, уголовно-правового законодательства, в том числе с применением легитимной силы и других легитимных репрессивных методов борьбы против коррупционеров, в пределах законодательства.

Антикоррупционное законодательство России и Армении, по мнению юристов, можно считать в основном достаточным для преодоления коррупции. Но принятые законы должны реализовываться в жизни, а не только оставаться на бумаге.

На наш взгляд коррупцию можно и нужно преодолеть с помощью противодействия коррупции и борьбы против коррупционеров. Для повышения эффективности противодействия и борьбы можно предложить следующее:

В Армении принять закон «О противодействии коррупции». Существующие меры противодействия не достаточны для преодоления коррупции.

В Армении и в России нужно принимать закон о взыскании денежных средств или другого имущества должностного лица и/или денежных средств и другого имущества близких родственников должностного лица, заведомо не соразмерные прибили и иным доходам должностного лица и/или прибили и доходам его родственников.

В антикоррупционное законодательство добавить понятие «законно обоснованные средства и имущество должностных лиц и их близких», под которым следует понимать те денежные средства и имущество должностного лица и его близких родственников, законность приобретения которых они могли обосновать (обоснованием законности считать процесс доказывания соразмер-

ности доходов и прибили данных лиц приобретенному имуществу или денежным средствам).

Обязывать должностным лицам обосновать законность приобретенных ими или их близкими родственниками денежных средств и другого имущества,

В антикоррупционный закон добавить пункт, согласно которому денежные средства и другое имущество должностных лиц и их близких родственников будут взысканы, если законность их приобретения не будет обоснована.

В Уголовном кодексе добавить статью «Незаконное приобретение денежных средств и/или другого имущества должностным лицом или его родственниками».

В Уголовно-процессуальный кодекс включить статью, согласно которой, в случае, если незаконность приобретенных средств не может быть доказана в процессе судопроизводства со стороны обвинения, но и законность приобретения данных средств также не обосновывается стороной защиты, суд может не только взыскать данные средства, при этом суд не будет иметь право в таких случаях назначать другие виды наказания, кроме взыскания законно необоснованного имущества и денежных средств должностного лица или его родственников.

Для повышения эффективности борьбы против коррупционеров – предлагаем создать особый отдел по борьбе с коррупционерами в структуре органов национальной безопасности стран, дать им широкие полномочия для выявления коррупционных преступлений и коррупционеров по всей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев А. История империй с точки зрения «этической историософии» (Османская империя) // Фонд Имперского Возрождения. Исследовательский Аналитический Центр. URL: fondiv.ru/articles/2/325/.
2. Чучаев А.И. Противодействие в уголовном праве // Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм, классификация. М.: Проспект, 2010. С. 25–28.
3. Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 2008. 391 с.
4. Шундигов К.В. Механизм правового регулирования. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2001. 102 с.
5. Хабриева Т.Я. Концепции развития российского законодательства. М.: Эксмо, 2010. 732 с.

CORRUPTION AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY (CRIMINAL LAW IMPACT ON CORRUPTION)

© 2018

K.S. Kocharyan, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Criminal Procedure Law”
Russian-Armenian University, Yerevan (Armenia)

Keywords: corruption; criminal law impact; anti-corruption legislation; struggle against corrupted officials.

Abstract: This article discusses the dangers of corruption for society and state, and the necessity to impact on corruption, using criminal law measures of impact.

As a result of comparative legal and historical legal analysis of legislations and legal realty, as well as analysis of some aspects of the anti-corruption legislation of the Republic of Armenia and Russian Federation, have been made proposals to improve the effectiveness of the criminal law impact on corruption.

У.А. Липская, магистрант кафедры «Конституционного и административного права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: частная жизнь; личные права и свободы; коллективизм; человек; гражданин; государство; демократия; Конституция.

Аннотация: В данной статье проводится комплексный анализ взаимосвязи социальной и политической государственной политики и общественного сознания. Автор приводит доводы в пользу того, как государственный строй может повлиять на психику граждан – исказить, отторгнуть индивидуальность и подавить личность в человеке. Стойкая линия коллективизации поведения со стороны советских властей привела к окончательному полному подавлению личности в человеке – гражданине своего государства. Результаты подобного широкомасштабного подавления личности можно видеть и сейчас, пытаясь воскресить в умах граждан частную и личную их неприкосновенность как право, имеемое у них с рождения. Затрагиваются и раскрываются причинные моменты, по которым в настоящее время в России трудно внедрить уважение к частным правам граждан. Также прослеживается историческое развитие положений о неприкосновенности частной жизни в основном законе страны – Конституции, указываются ориентиры и цели законодателя, при принятии очередных положений в области прав человека и гражданина. Прослеживается причинно-следственная связь с до революционным и постреволюционным временем, а также оценивается динамика развития декларации и защиты естественных прав граждан в российском государстве. Автор указывает на необходимость комплексного подхода к ликвидации неприязни к частной жизни в российском обществе с учетом психических травм, исказивших восприятие частной и личной жизни в умах граждан. Одним из решений возникшей проблемы автор предлагает массовую пропаганду неотделимости естественных прав на частное существование с целью закрепления в сознании граждан ценности их личной жизни и вытеснения пережитков тоталитарного периода развития государства.

Российская Федерация активно развивается как правовое государство, и неотъемлемой частью подобного развития является решение вопроса о праве человека на неприкосновенность его частной жизни. В современных условиях активного распространения видеоматериалов из мест публичного пользования, активное использование социальными сетями и широкая доступность баз данных с персональными данными делают частную жизнь практически любого человека – публичной, при этом далеко не всегда человек выражает свое согласие на опубликование его персональных данных, которые могут заключаться не только в паспортных или иных общих данных, но и фото и видео материалов, на которых присутствует человек. С другой стороны, в век активной информатизации данных довольно сложно установить рамки и грань той разумности, за которой заканчивается публичная, и начинается частная жизнь.

Актуальность обращения к данному вопросу диктуется также и тем обстоятельством, что Россия – одно из государств, которое довольно поздно обратило свой правовой взгляд на данный вид права человека, поскольку при социалистическом строе государство было ориентировано на коллективное право, а частное, индивидуальное, было даже противозаконным [1, с. 11]. Только после перехода России к демократической форме правления был также осуществлен возврат к либеральным ценностям. Как правильно подчеркнули А.В. Майоров и Е.Н. Поперина, «право на неприкосновенность частной жизни – это некая «линия сопротивления» между опытом тоталитаризма и требованиями правового государства» [2]. В данном случае речь идет о том, что вплоть до настоящего времени граждане испытывают стресс, связанный с трудностью осуществления перехода с тоталитарной формы мышления на действующую либеральную, в которой, напротив, пропагандируются свободы и права личности. Этот факт очень сильно тормозит формирование правового государства в настоящей России, поскольку требования публичности, предъявляемые гражданами подчас к служителям закона и правосудия переходят разумные границы нравственности [3]. Оценка профессиональных качеств работника любой профессии смешивается с оценкой качеств индивидуальных, подчас даже интимных, что не должно идти ни в какой совокупности с его профессионализмом [4].

Право на возможность иметь частную жизнь и обеспечение ее неприкосновенности учеными приобщаются к естественным правам человека. Это означает, что сама суть частной жизни настолько должна считаться любым человеком естественной, что для этого даже не требуется легитимного его закрепления [5]. Однако в данном случае, применительно именно к российскому государству, следует учитывать тоталитарное прошлое, которое полностью стерло понятия частного и неприкосновенного. Сегодня то, что в Европе считается естественным, для российских граждан является новшеством. Именно по этой причине законодательно следует обратить более пристальное внимание на законодательное закрепление данного права в более подробных толкованиях помимо конституции. Если в Европе о правах человека на частную жизнь говорили уже с 1890 годов, то в России, лишь Конституция 1977 года [6] впервые законодательно закрепила институт частной жизни. Если проанализировать предыдущие версии Основного закона страны, то мы увидим следующее. Первая Конституция 1918 года [7] содержала в себе положения относительно свободы совести, но по факту лишала граждан какой бы то ни было свободы, превращая естественные права в обязанности. В частности, труд был введен поголовно как обязанность, а не право, имея под собой уголовное наказание за неповиновение. Утверждающийся социалистический строй в пост революционное время исказил понимание свободы совести и частной жизни: свободны были лишь те мысли и поступки, которые вторили новому политическому строю страны.

Конституции периода 1924 [8] и 1925 года [9] в принципе не уделяли внимания личным правам граждан, поскольку акцент был сделан на экономические и социальные основы государственного строения, где человек был сродни детали в огромной машине, движущей страну по пути к «светлому социализму».

Следующая Конституция 1936 года [10] уже четко закрепила социалистическое устройство в государстве, и права, закрепленные ею как неотъемлемые – неприкосновенность личности и жилища, защита тайны переписки и свободы слова шли жестко вразрез с действовавшими по факту идеологическими принципами правящей политической партией.

Возвращаясь к положениям Конституции 1977 года, где впервые были провозглашены неотъемлемые есте-

ственные права человека следует обратить внимание на тот факт, что внедрение в общество частной жизни самим обществом не было принято по ряду факторов. Во-первых, еще с крестыанских времен на Руси было принято жить открыто – сообща. Понятие частности ассоциировалось с чем-то антиобщественным, заговорщицким [11]. В данном контексте следует также обратить внимание на исторически сложившийся русский менталитет, характеризующийся, в том числе и «широкой открытой доброй душой». Возможно, корни подобной неприязни также кроются в слишком длящемся периоде крепостного права, где частность ассоциировалась с зажиточностью, и потому, постреволюционный советский человек культивировал с особой ненавистью в себе неприязнь ко всему «частному» [12].

Также, если вспомнить тоталитарное требование открытости и прозрачности частной жизни в постреволюционный период вплоть до 1977 года, которое шло вразрез с запретом на вторжение в частную жизнь. Именно по этой причине, как утверждают А.В. Майоров и Е.Н. Поперина «при переводе положений Международного пакта о гражданских и политических правах слово “privacy” было переведено на русский язык как «личный», а не «частный»» [2]. Этот факт еще раз доказывает, насколько для русского человека является нехарактерным употребление в социальном и в правовом плане слова «частный».

Конституция 1978 года [13] также закрепила собой дальнейшее развитие свобод своих граждан, а именно: право на свободу научного, технического и художественного творчества, но с обязательной оговоркой, что эти права будут использованы исключительно во благо развития коммунистического строительства. Иными словами, права были только там, где это было угодно государству, но это не те права, которые должны быть у граждан в правовом государстве. Подобная коллективизация поведения со стороны советских властей привела к окончательному полному подавлению личности в человеке – гражданине своего государства.

Однако подобная модель подавления индивидуальности человека не могла существовать длительно во времени, поскольку это противоречит самой человеческой природе. В результате, спустя почти столетия, общество стало требовать соблюдения их естественных прав, данное желание пошло вразрез с идеями государства. Данное противостояние привело к очередному кризису страны, в результате которого Россия стала демократическим либеральным государством – началась очередная перестройка с ориентиром на права и свободы, а также ценность личности гражданина как основы своего государства.

Съезд Верховного Совета 1991 года ратифицировал Декларацию прав и свобод человека и гражданина [14], которая была направлена на охрану естественных прав человека и гражданина. С этого момента ограничить естественные права на частную жизнь и тайну телефонных и письменных переговоров сотрудники правоохранительных органов могли только при наличии на то оснований – судебного решения.

В Конституции 1993 года [15] права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью государства. Более того, отдельно выделены главы под названием «Права и свободы человека и гражданина» и «Обязанности граждан РФ». Изменилось и само представление о государстве. Если в период социализма граждане работали на общество, то теперь ситуация в корне изменилась – государство стало представителем интересов общества. У государства помимо прав появились обязанности: обеспечивать соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. В нынешнем государстве личные интересы гражданина объявлены приоритетными, по сравнению с публичными интересами государства.

Учеными отмечено, что распространение прав и свобод гражданина и человека в России, было осуществлено благодаря вмешательству извне. Так, И.М. Хужокова считает, что «качественный скачок в плане расширения содержания частной жизни произошел вследствие распространения на Россию юрисдикции Европейского Суда по правам человека» [16]. Несмотря на то, что сегодняшнее законодательство декларирует личную и семейную тайну, содержание данных понятий не раскрыто. В данном случае имеется в виду, что до сих пор в отечественном законодательстве отсутствует правовой акт, в котором имелся бы перечень сведений, относящихся к частным данным о человеке. Конечно же, подобные сведения разрозненно содержатся в отдельных законах, но это затрудняет обеспечение эффективной защиты гражданина. Еще в 1995 году Комитет ООН рекомендовал России принять специальный правовой акт о защите прав на частную жизнь. Данная рекомендация была дана, как указывается в докладе о соответствии правопорядка в Российской Федерации нормам Совета Европы, «с целью предотвращения нарушений права на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь и посягательств на неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции» [17], потому что в России «...по-прежнему могут совершаться действия, нарушающие право на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, от незаконных или произвольных посягательств на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции» [18]. Следуя наставлению Комитета ООН позже были утверждены федеральные законы «О персональных данных» [19] и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [20], однако данные законы не охватывают весь спектр необходимых отношений, которые относятся к частной жизни. В настоящее время правовое регулирование частной жизни и ее неприкосновенности остается недостаточно развитым для обеспечения надлежащей защиты естественных прав граждан.

Проведенный анализ правовой и социальной жизни в российском государстве выявил как положительные, так и отрицательные моменты в обеспечении реализации прав граждан на частную жизнь. Также нельзя недооценивать того скачка в развитии нашего государства и общества, особенно если взять во внимание трудности перехода от мышления коллективного к мышлению демократическому, либеральному.

В дальнейшем необходимо обращать более пристальное внимание на проблему обеспечения гарантии соблюдения границ частной жизни и не допускать вмешательства в нее без весомых причин. Возможно, государству следует заниматься всякого рода пропагандой данного вида естественного права, чтобы закрепить в сознании граждан ценность их личной жизни и вытеснить представления тоталитарного периода развития государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1980. 160 с.
2. Майоров А.В., Поперина Е.Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3. С. 34–38.
3. Головкин Р.Б. Специфика права на неприкосновенность частной жизни в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 40–45.
4. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 63 с.
5. Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. 192 с.
6. Конституция СССР 1977 года: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

7. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. № 151.
8. Конституция СССР 1924 года. Утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 150.
9. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 118.
10. Конституция СССР 1936 года принята VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
11. Барабашев Г.В. Советское государственное право. М.: Юрид. лит., 1980. 276 с.
12. Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.
13. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
14. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Социальная защита. 1995. № 11. С. 10–15.
15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
16. Хужокова И.М. Эволюция содержания права на неприкосновенность частной жизни в России // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 2–5.
17. Берихарт Р., Трексель Ш., Эрма-кора Ф. Совет Европы. Парламентская Ассамблея. Доклад о соответствии правопорядка в Российской Федерации нормам Совета Европы. Страсбург, 1994. С. 7–10.
18. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»: ред. от 29.07.2017 // Российская газета. 2006. № 165.
19. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL RIGHT
OF THE CITIZEN ON PERSONAL PRIVACY BY THE RUSSIAN LEGISLATION**

© 2018

*U.A. Lipskaya, graduate student of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: private life; personal rights and freedoms; collectivism; person; citizen; state; democracy; Constitution.

Abstract: In this article the complex analysis of correlation of social and political state policy and public consciousness is carried out. The author gives arguments how the political system can influence mentality of citizens – to distort, tear away identity and to suppress the personality in the person. The resistant line of collectivization of behavior from the Soviet authorities led to final complete suppression of the personality in the person – the citizen of the state. We also reap fruits of similar large-scale suppression of the personality now, trying to revive private and their personal inviolability as the right which had at them since the birth in minds of citizens. Also causal moments on which it is heavy to implement respect for the private rights of citizens in Russia now are affected and reveal. Also historical development of regulations on personal privacy in the country constitution – Constitutions is tracked, reference points and the legislator’s purposes are specified, in case of acceptance of the next provisions on human rights and the citizen. Cause and effect relationship with to and a post revolutionary time is tracked and also dynamics of development of the declaration and protection of the natural rights of citizens in the Russian state is estimated. The author indicates the need of an integrated approach to elimination of hostility to private life in the Russian society taking into account the mental injuries which distorted perception of private and private life in minds of citizens. The author offers one of solutions of the arisen problem mass promotion of inseparability of the natural rights for private existence for the purpose of fixing in consciousness of citizens of value of their private life and extrusion of remnants of the totalitarian period of development of the state.

ЦЕЛЬ ИСПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РФ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД И ПЕРСПЕКТИВА

© 2018

А.П. Некрасов, доктор юридических наук,
профессор кафедры «Уголовное и уголовно-исполнительное право
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Ключевые слова: исправление осужденных; реабилитация; рецидив; законопослушный человек; реформа УИС; общественно-полезный труд осужденных; производительность труда; карательная пенитенциарная политика; государственная программа; предупреждение преступлений; управленческие функции МВД; федеральный закон «Об адаптации осужденных».

Аннотация: Статья посвящена труду осужденных в местах лишения свободы в условиях рыночных отношений. Автор на основе анализа пришел к выводу о том, что трудовая занятость осужденных в пенитенциарных учреждениях способствует снижению рецидива преступлений и труд как основа производственных отношений формирует у них уважительное отношение к окружающим, к обществу, к нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также к стимулированию правопослушного поведения. Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает для осужденных общие положения и принципы наказаний, применения средств исправления осужденных, порядок деятельности учреждений, исполняющих наказания. При написании статьи автор опирается на судебно-следственную практику совершенных ими преступлений и рассуждает по поводу снижения рецидива преступлений. Кроме того, он предлагает разработать и принять Федеральный закон «Об адаптации осужденных», возвращающихся из мест лишения свободы с тем, чтобы они стали полноценными и правопослушными гражданами нашего общества и предлагает также создать управление при МВД РФ по предупреждению и профилактики преступлений, с целью снижения рецидива преступлений для спокойствия и благополучия граждан.

Уголовно-исполнительная политика и наука уголовного права систематически обращают внимание на решение проблем по совершенствованию средств исправления осужденных. С целью активизации исправления осужденных руководство ФСИН России, вырабатывает ряд социальных мер с органами государственной власти и органами местного самоуправления, направленных на исправление осужденных, а также вырабатывают механизм освобождения их от дальнейшего наказания по реабилитирующим основаниям и оказании им помощи в трудоустройстве на свободе. Представители органов власти осознают, что если не оказать социальную помощь вышедшему на свободу осужденному, особенно тем, кто прервал связь с родственниками, то, как правило, они вновь совершают преступления различного рода и подпадают под тот или иной вид рецидива.

Судебно-следственная практика показала, что рецидивисты не обращаются в государственные органы, в общественные организации за социальной помощью, поскольку опростетчиво понимают, что должной поддержки с их стороны они не найдут и таким образом продолжают представлять особую повышенную общественную опасность ввиду криминализации личности. В целях снижения преступности на наш взгляд, вышеупомянутые органы в лице представителей власти все же могли бы преподнести некий ликбез подобной категории гражданам, в целях формирования понимания правопослушного человека, однако механизм взаимного общения у них на этот счет не выработан. Уместно будет сказать, что материальные затраты на раскрытие преступлений и на проведение следственных действий и содержание их в исправительных учреждениях в разы обременительные, чем сама социальная помощь или профилактика преступлений среди них.

Анализ деятельности правоохранительных органов по взаимодействию с органами государственной власти и органами местного самоуправления [1, с. 70] по поводу оказания социальной помощи освободившимся лицам, а также в противодействии рецидива преступлений показал, что осужденные, освободившиеся из мест лишения свободы, не обращаются за социальной помощью к вышеупомянутым учреждениям и представляют самих себя, следовательно, взгляды на проблему рецидивной преступности и исправления преступников продолжают оставаться проблемными.

Социально-экономическая политика в этом ключе менялась в нашем государстве в зависимости от господствующих идеологий в стране, а также от уровня производственных отношений и производительности труда, т. е. развитие экономики и правовой развитости государства. Давайте вспомним историю: приобщение осужденных к труду изначально преследовало экономические цели (1920–1935 гг.). Затем обязательное привлечение осужденных к труду носило большей частью карательный, устрашающий характер (1936–1953 гг.). И только с середины 60-х годов труд осужденных постепенно стал использоваться для их исправления и перевоспитания.

В конце XX в, после распада СССР, Россия перешла на рыночно-экономические отношения и выпускаемая продукция с пенитенциарных производств перестала быть конкурентной, продукция (товар) не были востребованными, все экономические связи были утрачены. Следовательно, промышленное производство пришло в упадок, а производительность труда резко упала, осужденные остались без дела и без работы, а финансовые потери на тот период времени исчислялись миллионами. И только в 2005–2008 г.г. закупка руководством ФСИН России современного оборудования и размещение его в исправительных учреждениях, а также привлечение бизнеса в УИС стало приносить прибыль ведомству, а экономические связи ИУ с отраслевыми предприятиями наладились.

УИК РФ 1996 года сохранил обязанность осужденных трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, а задачи труда осужденных продолжают оставаться прежними. В части 5 статьи 103 УИК РФ закрепляется положение о том, что производственная деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основной задачи исправительных учреждений – исправлению осужденных.

В настоящее время экономический аспект труда осужденных в его общегосударственном масштабе в силу кризисных явлений в экономике фактически отступил на второй план, однако для исправительных учреждений и самих осужденных он продолжает сохранять свое значение. Сейчас осужденные в своей основной массе заинтересованы в процессе трудовой деятельности и многие требуют от администрации ИУ своего трудоустройства; проблема борьбы с отказчиками от работы практической себя изжила [2, с. 153], правда за редким исключением.

С 2005 года во ФСИН происходит реорганизация предприятий, размещаются и монтируются новые производственные мощности, повышается производительность труда, появляются новые мастерские, организуются профессиональные обучения, курсы профессиональной переподготовки, включая приобретение ими новых профессий, осужденные получают специальности необходимые в коммерческих структурах, бизнес пошел в исправительные учреждения и стал приносить прибыль.

Производственное реформирование уголовно-исполнительной системы в начале XXI века было направлено на приобретение максимальных специальностей и попытки приближения условий содержания их к условиям жизни на свободе.

Уважительное отношение к порученному делу и к труду являются одним из важнейших индикаторов исправления, поскольку именно посредством осуществления осознанной трудовой деятельности человек может самовоплощаться. Не случайно общественно-полезный труд является не только показателем, но и одним из средств исправления [3, с. 351].

В свете сказанного, можно говорить о том что, исправление осужденного можно считать состоявшимся только тогда, когда он не только уважает общество, осознает себя его частью и высоко ценит общественный долг, но и соблюдает нормы и традиции, существующие в обществе, и может гармонично развиваться с ним [4, с. 91].

Перевод осужденных на тот или иной режим и условия отбывания наказания зависит от степени исправления осужденного, которая определяется администрацией исправительного учреждения с учетом уровня достижения осужденным определенных уголовно-исполнительным законодательством выше рассмотренных показателей исправления.

Критерии исправления осужденного тесно связаны между собой, и взаимодействуют, как симбиоз, и только при достижении объективных и субъективных показателей исправления осужденных может быть достигнуто.

В статье 1 УИК РФ, говорится, что исправление осужденного должно обеспечиваться не только в период отбывания уголовного наказания, но и после его освобождения [5]. Ряд ученых-юристов, считавших, что если человек после совершенного преступления находился в местах лишения свободы и претерпевал определенные там неудобства, связанные с соблюдением режима, то в будущем он не будет совершать преступления под страхом нового отбывания наказания. Однако эта не так. Если мы посмотрим на рецидив преступлений то придем к выводу, что 33 % лиц, освободившихся из мест заключения по отбытию срока наказания, вновь совершают преступления и возвращаются в места лишения свободы. Таким образом формы исправления взаимодействуют между собой и не всегда приносят эффект покорности осужденного. Вот уже на протяжении длительного времени предлагаются различные варианты органами ИУ по улучшению морально-психологического климата осужденных, их нравственного отношения между собой, но результата по снижению пенитенциарного рецидива не достигнуто. Таким образом, эта проблема остается во внимании не только правоприменителей, но и ученых-юристов и требует дополнительного изучения.

Уголовное наказание согласно статье 43 УК РФ является принудительной мерой, то есть применяется к человеку против его воли, и предполагает определенное лишение или ограничение прав и свобод виновного в совершении преступления лица [6, с. 81]. Следовательно, наличие карательных элементов в уголовном наказании неизбежно.

Исправление как цель наказания подразумевает изменение психики личности осужденного под воздействием внешних и внутренних факторов. Подавляющее большинство из них надеются на условно-досрочное

освобождение либо на амнистию, как сейчас, в день выборов президента РФ. Таким образом, исправление осужденных является оценочным понятием, которое состоит из многих критериев как объективного, так и субъективного характеров. Можно ли исправить рецидивиста в местах лишения свободы с устойчивой психикой на продолжение совершение преступлений в будущем, до сих пор этот вопрос остается дискуссионным, и ответа в научных кругах среди юристов определенного и четкого нет. Но все же предпримем попытку рассуждения над теми лицами, к которым применено наказание в виде лишения свободы впервые.

Социальная значимость труда для исправления осужденного очень велико для подобной категории, поскольку именно добросовестное отношение к трудовым обязанностям учитывается судом при определении степени исправления осужденного [7, с. 122] и решении вопроса об изменении условий содержания в исправительном учреждении, позволяет им иметь материальный заработок и тем самым удовлетворять не только свои потребности, но и возмещать ущерб по приговору суда, а также помогать своим родственникам, и самое важное, большинство из них это осознают. На проводимых конференциях по пенитенциарной теме часто приходится слышать вопрос, а имеют ли возможность осужденные трудоустроиться на основании заключенных трудовых соглашений и нужно ли ввести такую юридическую практику. Как представляется, осужденные отбывают уголовное наказание в соответствии Уголовно-исполнительным кодексом [8, с. 43] и никаких трудовых отношений с работодателем заключаться не должно, потому как они провинились перед государством, обществом, личностью и должны находиться на самоокупаемости и претерпевать физические и материальные ограничения.

В основном, все трудовые отношения, возникающие внутри исправительных учреждений, регулируются помимо Трудового законодательства внутренними приказами, распоряжениями и другими подзаконными актами, устанавливающие продолжительность рабочего времени осужденного, правила охраны труда, техники безопасности, гигиены, санитарии и др. [9, с. 90]. Освобождаются от общественно-полезного труда только определенный круг осужденных, зачастую по медицинским показателям.

Таким образом, исправительное воздействие состоит из определенных критериев, которые как катализатор влияют на исправление и регулируются нормами права.

Для того чтобы снизить рецидив преступлений и общую преступность многие ученые юристы считают существующие меры недостаточными. Мы согласны с точкой зрения профессора Н.С. Артемьева, который считает, что более эффективной и действенной мерой в борьбе с рецидивной преступностью, было бы создание в Министерстве внутренних дел службы предупреждения преступлений, в составе которой будут участковые уполномоченные полиции и подразделение по делам несовершеннолетних. Это позволит собрать и систематизировать информацию о рецидивистах и лицах, склонных к совершению преступлений и выработать методику по предупреждению преступлений [10, с. 46].

Кроме того, необходимо создать и развивать региональные адаптационные центры для осужденных, с целью возврата их в общество как полноценных граждан, с восстановленными полными правами и обязанностями и попыткой восстановления психики, социально-культурных навыков, предоставление им работ. Об этом часто говорят и на государственном уровне, на конференциях и на форумах, но дальше слов дела пока не идут.

В настоящее время вышеуказанный вопрос о социальной адаптации в уголовно-исполнительном законодательстве России регулируется очень поверхностно (часть 1 статьи 180 УИК РФ).

Порядок подготовки к освобождению из мест лишения свободы на ведомственном уровне регулируется Инструкцией об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 13.01.2006 № 2 [11].

Анализ вышеуказанных нормативных актов позволяет сделать выводы о том, что нет на этот счет ни каких государственных или правительственных программ, регулирующие социально-бытовой, а также производственный быт осужденных не имеется.

Следовательно, уполномоченным на то лицам в правовом смысле все же надо бы обратить внимание на подобную категорию лиц, для снижения рецидивной преступности, стабильности и благополучия в обществе.

Для того, чтобы снизить уровень преступности в обществе правительству РФ, Минюсту, ФСИН России необходимо разработать федеральный закон об адаптации осужденных, а МВД сформировать управление по предупреждению преступности в целях спокойствия и благополучия граждан. Представляется несомненным, что уровень рецидивной преступности в обществе резко пошел бы на спад по всем категориям преступлений и места лишения свободы разгрузились от подобных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьянчук Е.О. Правовые и организационные аспекты социальной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 220 с.
2. Филимонова О.В. Уголовно-исполнительное право России. М.: ЮрИнфоР, 2000. 317 с.
3. Обернихина Е.Н., Кайсина Т.П. Влияние наказания в виде лишения свободы на исправление осужденных // Молодой ученый. 2016. № 18. С. 350–356.
4. Блохин Ю.И. Оценка достижимости наказанием исправления осужденного // Актуальные проблемы современной науки в период политико-правового реформирования России в конце XX–начале XXI вв.: сборник научных трудов. Ростов н/Д.: Ростовский филиал РПА, 2007. С. 88–95.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Российская газета. 1997. № 9.
6. Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 169 с.
7. Зубарев С.М. Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. М.: Высшее образование, 2010. 176 с.
8. Яхшибекян Э.Н. Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ. М.: Юстиция, 2013. 191 с.
9. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) с постатейными материалами и практическими разъяснениями: с учетом перспективы вступления в силу ФЗ «О полиции» / авт. коммент. и сост. А.Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2011. 479 с.
10. Артемьев Н.С. Неотвратимость уголовной ответственности – важный фактор, влияющий на состояние и предупреждение рецидивной (пенитенциарной) преступности // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников II Международного пенитенциарного форума. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. № 1. С. 44–47.
11. Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 7.

THE PURPOSE OF CORRECTION AND PREVENTION OF CRIMES AS THE BASIC PROVISIONS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONTEMPORARY VIEW AND PERSPECTIVE

© 2018

A.P. Nekrasov, doctor of Sciences (Law), Professor of Chair “Criminal and criminal-executive law”
Samara juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: correction of convicts rehabilitation; recidivism; law-abiding people; the reform of the penal correction system; the socially useful labor of the convicts; labor productivity; punitive penitentiary policy; government program; crime prevention; management functions of the Ministry of interior; the Federal law «On adaptation of convicts».

Abstract: Article is devoted to the labor of the convicts in places of deprivation of liberty in conditions of market relations. The author on the basis of the analysis came to the conclusion that the employment of convicts in prisons reduces recidivism and labor as the basis of the relations of production provides them with a respectful attitude towards others, towards society, norms, rules and traditions of human society, and to encourage law-abiding behavior. Penal legislation provides for prisoners General provisions and principles of sentences, the use of means of correction of convicts, the activities of the institutions executing punishment. When writing the article the author draws on judicial-investigative practice of their crimes, and talks about reducing recidivism. In addition, it proposes to develop and adopt the Federal law «On adaptation of convicts» returning from places of imprisonment so that they become full and law-abiding citizens of our society and also proposes to establish a Department under the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation for the prevention and prevention of crimes, with the aim of reducing recidivism for the peace and welfare of the citizens.

М.П. Никольский, курсант
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; юридическая ответственность; гражданские проступки; гражданско-правовая ответственность; моральный вред.

Аннотация: Актуальность данной работы состоит в том, что определение круга правонарушений в настоящее время играет ведущую роль в законодательстве практически любого правового государства. Законодатель при помощи правовых норм стремится установить круг деяний, которые являются противоправными и за которые привлекают к тому или иному виду юридической ответственности. Установление круга противоправных деяний и ответственности за их совершение реализует общую и частную превенции, что способствует сокращению совершаемых правонарушений, обеспечивает нормальное функционирование всех общественных отношений, порядок и стабильность в государстве, соблюдение законности всеми субъектами правоотношений. В этой работе мы рассмотрим, возможно, один из самых сложных в определении размеров ответственности институтов – институт гражданского права. Обратимся к определению размеров компенсации морального вреда, выявим проблемы, которые в настоящий момент требуются разрешить с помощью усовершенствования законодательства. Стоит заметить, что несовершенство современной правовой системы приводит к появлению различных проблем при возникновении споров. Отсюда и необходимость всестороннего изучения законодательства, ориентирование на сложившуюся практику в определении размеров компенсируемого ущерба для обеспечения исполнения целей законодательства и совершенствования правовой системы нашего государства.

ВВЕДЕНИЕ

В начале рассмотрим понятие правонарушения. В.Н. Хропанюк дает такое определение: «Правонарушение – это виновное поведение праводеспособного индивида, которое противоречит предписаниям норм права, причиняет вред другим лицам и влечет за собой юридическую ответственность» [1]. Р.А. Ромашов под правонарушением понимает «противоправное, общественное деяние дееспособного лица, за которое государством предусмотрена юридическая ответственность» [2].

Видами правонарушений являются проступок и преступление. В нашей работе мы подробнее остановимся на проступках.

Проступок – это правонарушение, характеризующееся меньшей степенью социальной опасности, т. е. это такое противоправное действие (бездействие), которое не предусмотрено Уголовным Кодексом РФ (далее – УК РФ) [3]. За совершение лицом проступков предусмотрено взыскание.

ГРАЖДАНСКИЕ ПРОСТУПКИ

Рассмотрим проступки, возникающие в гражданских правоотношениях. Гражданско-правовые проступки – это причинение вреда личности или имуществу, субъектам гражданского права, невыполнение обязательств, нарушение законных прав лиц.

Взыскания за их совершение предусмотрены Гражданским кодексом РФ. Они состоят в возмещении убытков, отмене незаконных сделок, восстановлении охраняемых законом прав. Рассмотрим особенности, свойственные данному институту.

Во-первых, имущественный характер. Применение гражданско-правовой ответственности связано с возмещением убытков. Даже тогда, когда правонарушение затрагивает неимущественные права или причиняет лицу физические или нравственные страдания (моральный вред), применение данной ответственности – это присуждение лицу соответствующей денежной компенсации.

Во-вторых, ответственность одного лица перед другим. Это связано с тем, что гражданское право регулирует отношения, складывающиеся между равноправными и независимыми субъектами. В случае, если происходит имущественный оборот и одна сторона не исполняет свои обязанности, это влечет нарушение прав другой стороны. Именно поэтому цель санкций – восстановление прав потерпевшей стороны.

В-третьих, соответствие размера ответственности размеру причиненного вреда.

В-четвертых, применение равных мер ответственности за схожие правонарушения. Указанная особенность продиктована необходимостью обеспечения последовательного проведения принципа равенства всех участников (ст.1 ГК РФ).

Основанием для привлечения к ответственности служит правонарушение. Наиболее распространенными формами ее выражения являются неустойка, возмещение в натуре. Размер неустойки определен, поэтому рассчитать ее не сложно.

Совсем иначе решается вопрос при определении размера компенсации за неимущественный вред. Она определяется в точно установленной сумме. Суд учитывает множество фактов, которые могут влиять на ее размер. Нужно принимать во внимание характер и степень причиненных физических и нравственных страданий, необходимо помнить о влиянии степени вины при вынесении судом окончательного решения. Моральный вред может быть в виде нравственных переживаний, связанных с потерей близких, потерей работы, раскрытием какой-либо тайны, физической болью и др. [4] Определить размер такой компенсации – это проблемный вопрос, который должен решать судья.

РАЗМЕР КОМПЕНСАЦИИ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИ ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИИ

Нет установленной суммы, которая бы точно говорила: какую денежную компенсацию должно получить лицо за причиненный вред. Размер компенсации носит оценочный характер, в законе нет критериев для ее определения, поэтому судьи выносят решения, основываясь на праве свободы усмотрения. Однако российские судьи, как правило, не выносят решения в виде крупных размеров компенсации, вместо заявленных размеров в виде 50 тыс. рублей, они назначают 20–30 тыс. рублей.

Например, в спорах, связанных с ДТП, суды в среднем в 2–5 раз снижают размер компенсации морального вреда по сравнению с заявленной истцом суммой. Рассмотрим следующие примеры:

1. 150 тыс. руб. в связи с потерей кормильца – истец требовал 500 тыс. руб. (определение Московского областного суда от 11 июля 2016 г. по делу № 33-18556/2016);

2. 250 тыс. руб. в связи с причинением тяжкого вреда здоровью – требовал 500 тыс. руб. (определение Московского областного суда от 6 июля 2016 г. по делу № 33-18275/2016).

В настоящее время данная ситуация улучшается и размеры назначенных по искам взысканий увеличиваются.

Практика последнего года свидетельствует о том, что стали реже назначаться минимальные размеры компенсации морального вреда. Заметим, что чем лучше будут раскрыты причины, вызвавшие нравственные страдания, а также то, как деяния ответчика повлияли на потерпевшего, его физическое и психическое состояние, тем выше шансы на получение компенсации в крупном размере.

Сейчас назначенные суммы очень часто варьируются от 100 тыс. до 800 тыс. руб. Например, по иску из причинения средней тяжести вреда здоровью при затратах на лечение – 80 тыс. руб. суд взыскал с виновника – 500 тыс. руб. (приговор мирового судьи судебного участка № 370 Тверского района г. Москвы от 31 марта 2015 г. по делу № 01-0005/370/2015). Взыскания в таких размерах обусловлены тем, что суды пытаются использовать эту компенсацию как способ воздействия на ответчиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сказать, что на данный момент существует ряд проблем, связанных с определением размеров компенсации морального вреда. Между тем, подобные гражданские иски являются распространенным явлением, так как практически при любом причинении физических или психологических страданий лицу, обращается в суд с иском о компенсации причиненного ущерба. В связи с этим, считаем необходимым, предложить на уровне законодательства установить критерии, которые способствовали бы установлению размеров компенсаций (например, минимальную и максимальную компенсацию за причинение вреда одной степени тяжести или же каким-то образом устанавливать с помощью психологической экспертизы какие нравственные или психологические страдания пережидало лицо и т. д.).

Такая практика установления критериев будет способствовать единообразному применения законодательства, будет соблюдаться принцип равенства всех граждан перед законом, снизится число решений судей, которые устанавливали либо слишком высокие, либо слишком низкие размеры компенсаций, что, несомненно, затрагивает также и принцип справедливости. Исходя из этого, главным предложением будет издание нового федерального закона, в котором устанавливались бы главные критерии определения размеров ответственности или их пределы, а возможно и твердые размеры. Другим вариантом является принятие нового Постановления Пленума ВС РФ, в котором судам точнее разъяснились бы те случаи, при которых необходимо назначать тот или иной размер компенсации, с целью единообразного применения законодательства, возможностью использования общей практики разрешения таких гражданско-правовых споров, чтобы избежать вынесения размеров компенсаций, определенных исходя только из собственного мнения судей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2006. 384 с.
2. Ромашов Р.А. Теория государства и права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 630 с.
3. Головистикова А.Н., Дмитриев Д.Ю. Теория государства и права в схемах и таблицах. М.: Эксмо, 2007. 256 с.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

TORT AND FEATURES ESTABLISH THE EXTENT OF LIABILITY FOR COMMITTING THEM

© 2018

M.P. Nikolski, cadet

Samara Juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: infringement; legal liability; civil offences; civil liability; moral damages.

Abstract: The actuality is that the definition of the range of offences currently plays a leading role in the legislation of almost any rule of law. The legislator seeks to establish with the help of legal norms, the range of acts that are unlawful and for which the person will be attracted to one or another form of legal liability. The establishment of a range of illegal acts and responsibility for their Commission implements the General and private prevention, thus reducing the offenses, ensures normal functioning of all social relations, order and stability in the state, the rule of law by all subjects of legal relations. In this work we consider one possible of the most difficult in determining the size of responsibility of the institutions of civil law. Refer to the determining the amount of compensation for moral damage, identify any problems that currently need to be resolved through the improvement of legislation. It is worth noting that the imperfection of the modern legal system and leads to various problems when disputes arise. Hence the need for a comprehensive study of the legislation, focusing on the current practice in determining the size of compensable damages to enforce the purposes of the legislation and improving the legal system of our state.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РФ (БАНКА РОССИИ) И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО МЕСТА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

© 2018

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Конституция; Центральный банк РФ (Банк России); государство; ответственность; регулирование; деньги; власть.

Аннотация: В статье проводится исследование положений действующего законодательства, материалов судебной практики, а также специализированной литературы с целью определения места Центрального банка Российской Федерации в системе органов государственной власти Российской Федерации и его организационно-правовой формы деятельности. Обращается особое внимание на тот момент, что Российская Федерация наделяет Центральный банк Российской Федерации независимостью от других органов власти при реализации возложенных на него задач, учитывая исключительную важность деятельности Центрального банка Российской Федерации при обеспечении национальных интересов. В ходе исследования также выявляются некоторые спорные моменты законодательного характера при закреплении статуса и правового положения Банка России, проводится анализ его действий на соответствие конституционности. Автор, основываясь на мнениях ученых, делает вывод о недопустимости причисления Центрального Банка Российской Федерации к самостоятельной ветви власти и делает вывод о логичности закрепления за ним статуса публично-правового института права. В статье также затрагивается спорный вопрос о статусе Центрального банка Российской Федерации как юридического лица, что также постоянно становится предметом политических и правовых споров. Дело в том, что деятельность банков и самого Центрального банка Российской Федерации является важнейшим составляющим элементом всего объема финансовых отношений в пределах экономической системы страны и государство должно принимать более активное участие в деятельности Банка России, сопоставляя направления его деятельности с фактическим состоянием экономики, анализируя социальную, политическую и экономическую совокупность факторов, и не допуская резкого падения уровня жизни граждан.

Из содержания положений статьи 2 ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [1] следует, что банковская система России представлена двумя уровнями: непосредственно Центральным банком РФ и кредитными организациями коммерческого и некоммерческого характера. Отдельно более пристальное внимание следует уделить правовому положению Центрального банка России – ключевого субъекта правоотношений в области всей банковской деятельности, как с правовой, так и с практической точек зрения. В этой связи представляется интересным вопрос об определении места Центрального банка РФ в системе органов государственной власти Российской Федерации и его организационно-правовой форме деятельности.

Содержание пункта «ж» статьи 71 Конституции РФ [2] говорит о том, что «становление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки» относятся к ведению Российской Федерации, но уже в статье 75 Конституции РФ данный предмет ведения делегируется Центральному Банку РФ. Ключевая задача Центрального банка РФ закреплена в содержании статьи 75 Конституции РФ, а пределы ведения, функции и компетенции раскрыты в положениях ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [3]. Основопологающей задачей Центрального банка РФ является деятельность по обеспечению и защите устойчивости денежной единицы РФ – российского рубля. Кроме того, только Центральный банк России обладает исключительным правом эмиссии наличных денег, организации их обращения и изъятия из обращения на всей территории страны, а также осуществления валютной интервенции в интересах укрепления курса рубля и регулирования суммарного объема спроса и предложения денег на мировом рынке. Помимо этого, Центральный банк РФ совместно с Правительством РФ занимается разработкой единой государственно-денежной политики и последующей ее реализацией.

Следует обратить внимание на тот момент, что Российская Федерация наделяет Центральный банк России независимостью от других органов власти при реализации возложенных на него задач, учитывая исключительную

важность деятельности Центрального банка РФ при обеспечении национальных интересов. Факт независимости Центрального банка РФ от иных ветвей власти позволяет сделать предположение о том, что он сам единолично представляет собой отдельный орган государственной власти, не входящий в систему традиционного разделения властей на три ветви, что закреплено статьей 10 Конституции РФ. Те же предположения высказываются и С.А. Андриюшиной, которая пишет, что де-юре Банк России нельзя отнести к одному из органов государственной власти, но, в то же время, учитывая его правовые полномочия, следуемые в соответствии с целями и функциями, де-факто Центральный банк РФ относят к органам государства, потому как реализация возложенных на него задач достигается через применение специальных мер государственного принуждения [4]. Г.А. Тосунян и А.Ю. Видулин также признают Банк России в качестве самостоятельного органа власти, при этом указывая, что он «не относится к числу органов, которые осуществляют государственную власть в общепринятом (классическом) смысле этого слова» [5]. М.В. Баглай также пишет о том, что в любом государстве возможно установление специфических органов власти, которые не будут входить ни в одну из трех ветвей власти, но при этом эти органы «создаются и действуют в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами» [6, с. 63]. М.В. Баглай определяет статус данных органов как независимого органа государственной власти. Однако А.Г. Братко воспринимает принцип независимости Центрального банка РФ как основание восприятия его в качестве самостоятельного института, обладающего исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения [7]. Действительно, прямых указаний со стороны законодателя на то, что Центральный банк РФ является самостоятельной ветвью власти, не имеется, и потому причисление его к независимой самостоятельной ветви власти мы считаем противоречащим положениям высшего правового акта страны – Конституции РФ. Кроме того, из содержания Определения Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 №268-О также следует, что «Центральный банк РФ не называется органом государственной власти» [8], несмотря на то, что он обладает полномочиями, присущими по право-

вой природе функциям государственной власти. На невозможность причисления Банка России к органу государственной власти указывает также обязанность его в соответствии со статьей 26 ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в конце каждого календарного года перечислять значительную часть прибыли в федеральный бюджет. Например, до 2014 года Центральный банк РФ был обязан перечислять 50 % всей своей прибыли [9]. В 2015 году процентная ставка возросла до 75, а в 2016 году Президентом РФ был подписан закон [10], обязывающий перечислять в федеральный бюджет 90 % прибыли [11].

Напротив, имеется ряд признаков, позволяющих причислить Центральный банк РФ к специфическому институту права, среди которых можно выделить наличие установленного комплекса правовых норм, которые регулируют определенный род общественных отношений, возникающих в процессе взаимодействия банков и небанковских кредитных организаций с государством в лице Банка России. При этом полномочия, которыми обладает Центральный банк РФ в соответствии с нормами ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», дают возможность применять специфические меры принуждения: отзывать или приостанавливать действие лицензий на осуществление банковских операций, а валютным биржам – отзывать разрешение на покупку и продажу иностранной валюты. Банк России имеет право в бесспорном порядке списывать со счетов кредитных организаций штрафы или иные виды неденежных средств. Центральный банк обладает полномочиями правотворческого характера – в пределах своей компетенции он может издавать указания, положения и инструкции, то есть обладает государственными полномочиями. Наличие в качестве предмета правового регулирования общественных отношений в области государственной власти и управления позволяют причислить Центральный банк России к публично-правовому специфическому институту права.

Другой, не менее дискуссионный вопрос, касается организационно-правовой формы деятельности Центрального банка РФ. В статье 1 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» закреплено, что «Банк России является юридическим лицом», причём далее, в статье 2 того же закона указано, что «уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью». При этом, при обращении к сайту Федеральной налоговой службы [12] при запросе сведений о юридическом лице - Центральном банке РФ, отсутствуют заполненные разделы «сведения об уставном капитале» и «сведения об учредителях (участниках) юридического лица». Подобный пробел необходимо устранить и привести в соответствии с положениями законодательства. Также следует избрать конкретную форму деятельности Центрального банка из перечня форм, приведенных в Гражданском кодексе РФ в статье 50, например, «учреждение» или «публично-правовая компания», либо, учитывая специфику деятельности Банка России, определить иную организационно-правовую форму деятельности Центрального банка РФ.

Статус Центрального банка как юридического лица постоянно становится предметом политических и правовых споров. Так, в 2012 году депутат Государственной Думы Е. А. Фёдоров предложил законопроект, которым предусматривалась передача полномочий Банка России в совместное ведение Правительства РФ и Центробанка, однако данное предложение было отклонено по итогам чтений в 2014 году [13] на том основании, что подобное слияние не учитывает юридических рисков, в частности, связанных с судебными разбирательствами. В этой связи следует отметить, что, начиная с ноября 2014 года, в адрес Банка России постоянно направляются жалобы и исковые заявления в части несоответствия его дея-

тельности Конституционным требованиям. Подобные обвинения небеспочвенны. Действительно, согласно утвержденным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов [14], Центральный банк РФ отказался от конституционной обязанности по обеспечению стабильности рубля в связи с резким ростом инфляции и отправил регулирование российского рубля в режим плавающего валютного курса. Данный режим характеризуется тем, что курс иностранной валюты к рублю будет впредь регулироваться самим рынком, исходя из соотношения спроса на иностранную валюту и ее предложения на валютном рынке. Подобной политики Банк России решил придерживаться и в направлениях на 2017 год [15]. Факт отказа от выполнения Центральным Банком РФ также был признан в решении суда [16]. Несмотря на все доводы, которые привел сам Центральный банк РФ в поддержку подобной политики [17], его действия нарушают как положения федерального законодательства, так и самой Конституции РФ, и могут быть расценены в качестве своеобразного самоотвода, и даже некоей «капитуляции» перед лицом финансовых трудностей, возникших в стране. Центральный банк РФ как юридическое лицо сняло с себя ответственность и все риски, которые могли бы последовать вслед за потенциально возможными действиями банка при попытке стабилизации курса рубля, и в этом плане он повел себя крайне недостойно как официальный представитель государства перед лицом своих граждан. Одновременно с этим официальные источники указывают на существенное проседание российского рубля и ухудшение экономического благополучия граждан [18]. По мнению экономистов, государство никогда не должно «пускать на самотек» вопрос обеспечения стабильности национальной валюты [19], и если на ее поддержание не хватает резервов Национального банка, значит, либо необходимо пересматривать процесс ведения экономической деятельности внутри страны, либо искать «утечки».

Деятельностью, также сознательно ухудшающей состояние российской экономики, экономисты считают деятельность Центрального Банка РФ, направленную на «оздоровление» банковского сектора путем проведения политики сокращения числа участников сектора рынка. Подобные действия приводят к масштабным потерям для экономики. Например, по итогам 2016 года суммарный объем потерь российской экономики из-за банков, которые были лишены лицензии, составил более 700 млрд рублей [20]. Несмотря на то, что подобная деятельность по многочисленным ликвидациям кредитных организаций и банков Центральным банком РФ проводится после проверки соответствующих организаций на соблюдение законности их деятельности и последующего отзыва лицензий по итогам проведенной проверки, широкомасштабность проводимых действий сказывается не лучшим образом на экономике страны. Банк России, во исполнение конституционной обязанности обеспечения стабильной экономики страны, должен был избрать более компромиссные способы оздоровления банковского сектора.

Подводя итог проведенному исследованию, следует сделать ряд выводов:

1. Центральный банк РФ не может выступать самостоятельной ветвью власти по ряду объективных причин, но, в силу тех же объективных причин, может быть причислен к публично-правовому институту права.

2. На законодательном уровне следует внести ясность в части организационно-правовой формы организации Центрального банка РФ в качестве юридического лица. Например, исходя из специфики деятельности Банка России – «учреждения» или «публично-правовой компании», либо, учитывая специфику деятельности Банка России, определить иную организационно-правовую

форму организации деятельности Центрального банка РФ, дополнив соответствующие статьи ФЗ «О банках и банковской деятельности».

3. Несмотря на особый правовой статус, самостоятельность и единичность в совершаемых действиях Центрального банка РФ, государству в лице Генеральной прокуратуры следует уделять более пристальное внимание деятельности и направлениям проводимой совместно с Правительством РФ государственной экономической политики. Принцип государственного регулирования является важнейшим при организации функционирования всей банковской и экономической системы России, и государство не вправе оставлять данную сферу финансовой деятельности без своего регулирования, и даже воздействия, надеясь лишь на рыночное «самоуправление» экономики и укрепления курса рубля.

4. Деятельность банков и самого Центрального банка России является важнейшим составляющим элементом всего объема финансовых отношений в пределах экономической системы страны. Государство должно принимать более активное участие в деятельности Банка России, сопоставляя направления его деятельности с фактическим состоянием экономики, анализируя социальную, политическую и экономическую совокупность факторов, и не допуская резкого падения уровня жизни граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»: ред. от 26.07.2017 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: ред. от 18.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017 // Российская газета. 2002. № 127.
4. Андрушин С.А. Банковские системы. М.: Инфра-М, 2011. 384 с.
5. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». М.: Дело, 2001. 495 с.
6. Баглай М.В. Конституционное право РФ. М.: Норма, 2018. 768 с.
7. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России. М.: Спарк, 2001. 335 с.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.
9. Белоусов В. ЦБ РФ обязали перечислять 75 % прибыли в бюджет на постоянной основе // Риа Новости. URL: ria.ru/.
10. Федеральный закон от 28.11.2015 № 334-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об особенностях перечисления в 2016 году и в 2017 году прибыли, полученной Центральным банком Российской Федерации по итогам 2015 года и по итогам 2016 года» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48. Ч. I. Ст. 6700.
11. Путин подписал закон о перечислении 90 % прибыли ЦБ в бюджет // Риа Новости. URL: ria.ru/.
12. Федеральная налоговая служба. URL: nalog.ru/.
13. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Законопроект № 130800-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в части ограничения независимости Банка России при осуществлении своих функций за счет расширения полномочий Правительства Российской Федерации)» // Государственная Дума. Федеральное собрание Российской Федерации. URL: asozd2.duma.gov.ru.
14. Постановление ГД ФС РФ от 20.11.2013 № 3244-6 ГД «Об Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 47. Ст. 6078.
15. «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов» (утв. Банком России) // Вестник Банка России. 2014. № 106.
16. Решение № 2-1661/2015 2-1661/2015~М-1466/2015 М-1466/2015 от 19 ноября 2015 г. по делу № 2-1661/2015 Моршанский районный суд (Тамбовская область) // РосПравосудие: бесплатная справочно-правовая система по судебным решениям судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов РФ. URL: rospravosudie.com/.
17. Политика валютного курса Банка России // Центральный банк Российской Федерации. URL: cbr.ru/DKP/e-r_policy/.
18. Алексеевских А. Центробанк отпустил рубль раньше срока // Известия. URL: iz.ru/news/576560.
19. Кравченко В. Генпрокуратура проверит ЦБ // Новый день: российское информационное агентство. URL: newdaynews.ru/moscow/517090.html.
20. Маркелова Е. В ходе зачистки банковской системы Россия потеряла 700 млрд. рублей // Информационный портал Life. URL: life.ru/.

ABOUT SOME QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIAN FEDERATION (BANK OF RUSSIA) AND DEFINITION OF HIS PLACE IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES OF RUSSIAN FEDERATION

© 2018

V.V. Stepanova, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: Constitution; Central Bank of Russian Federation (Bank of Russia); state; responsibility; regulation; money; power.

Abstract: In this article the research of provisions of the current legislation, jurisprudence materials and also specialized literature for the purpose of definition of the place of the Central Bank of Russian Federation in the system of public authorities of the Russian Federation and its legal form of activity is conducted. Special attention at that time is paid that the Russian Federation allocates the Central Bank of Russia with independence of other authorities at realization of the tasks assigned to him, considering exclusive importance of activity of the Central Bank of Russia when ensuring national interests. During the research some disputed issues of legislative character also come to light when fixing the status and a legal status of the Bank of Russia, the analysis of his actions on compliance of constitutionality is carried out. The author, based on opinions of scientists draws a conclusion about inadmissibility of reckoning of the Central Bank of Russian Federation to an independent branch of the power and draws a conclusion about logicity of fixing of the status of public institute of the right behind him. In article the controversial issue of the status of the Central Bank of Russian Federation as legal entity is also raised that it becomes also constant a subject of political and legal disputes. The matter is that activity of banks and the Central Bank of Russia is the major making element of all volume of the financial relations within the economic system of the country and the state has to take more active part in activity of the Bank of Russia, comparing the directions him to activity with actual state of economy, analyzing social, political and economic set of factors, and not allowing sharp falling of the standard of living of citizens.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2018

Д.С. Хараузов, студент

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: справедливость; право; закон; мораль; Конституция; философия; правовая доктрина; законодательство; система права.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса о справедливости в правовой доктрине и отечественном доказательственном праве, и нацелена на решение как теоретических, так и практических задач. Вопрос о справедливости с давних пор занимает одно из лидирующих мест в научно-исследовательской деятельности многих ученых правоведов, философов, теологов, социологов и др. В стремлении объяснить себе и миру, что собой представляет понятие «справедливость», ученые подбирали различные определения, некоторые из которых, по сути, представляются тождественными. Подобное дифферентное понимание справедливости включает в себе высокую опасность при взаимодействии с вопросом о стабилизации организации общества, потому как является одним из ключевых понятий, как морали, так и права – важнейших социальных нормативных систем. Разнотенность понятия «справедливость» среди правоприменителей грозит умалением истинного его смысла и обесцениванием его в обществе, росту правового нигилизма. Существенное значение для обеспечения безопасности нашего государства и стабилизации правовой системы имеет закрепление данного понятия в отечественном законодательстве и (или) правовой доктрине. Понятие справедливости неоднократно встречается в нормативных правовых актах Российской Федерации, присуще как уголовному, так и гражданскому законодательству. Несомненным кажется тот факт, что подобное социально значимое понятие как справедливость не может иметь различный характер в различных правовых отраслях, наоборот, оно должно концентрироваться в себе некий единый идеал российского общества, базисный принцип всей системы права. Однако на данный момент законодатель, включивший в различные нормативные правовые акты понятие «справедливость» в различных падежных вариациях не дает его толкования, за исключением Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, представленное в кодифицированном правовом акте понятие принципа справедливости, не соответствует роли данного понятия во всей системе права нашего государства и не решает все существующие практические и теоретические задачи, стоящие перед нашим обществом.

*«Я взглянул окрест меня – душа моя
страданиями человечества уязвлена стала».*
Радищев А. Н.

Со времен установления в обществе философии бытия теоретики и практики различных наук задавались вопросом о сущности и содержании понятия справедливости и производным от него вопросом о способе ее достижения. Не познав содержания понятия справедливости, на практике происходит подмена ее содержания потенциально эффективным методом достижения справедливости в целом, для установления всеобщей гармонии, что на деле приводит к спорам и конфликтам, которые могут перейти в нечто более глобальное. К примеру, в русской литературе отражен характер общества, ее порождоубийца: Родион Раскольников совершил двойное убийство ради справедливости, ради идеи. Русский народ известен своим стремлением к «правде» или «справедливости». Тема «правды» одна из основных в русской философии, правоведении и художественной литературе. Однако до настоящего времени проблема справедливости так и не была решена однозначно.

Как правило, большинством людей не может быть четкого и содержательного ответа на вопрос: «что есть справедливость». Основываясь на обыденном наблюдении за фактами, можно выделить наиболее часто озвучиваемые варианты ответов:

1. Справедливость – нормы морали.
2. Справедливость – нормы права.
3. Справедливость – наиболее выгодное решение проблемы.
4. Справедливость – понятие эфемерное, относительное; справедливо то, что диктует властвующая сила (право силы).

Обратимся теперь к определениям, понятиям и даже масштабным концепциям справедливости, которые дали нам «великие умы человечества». Например, «Теория справедливости» Дж. Ролза.

Древнегреческий философ Демокрит Абдерский (ок. 460 г. до Р. Х. – ок. 370 г. до Р. Х.) считал, что «справедливость есть исполнение долга, несправедливость –

неделание того, что должно, уклонение (от выполнения своих обязанностей)» [1].

Другой древнегреческий мыслитель Платон (428 или 427 г. до Р. Х. – 348 или 347 г. до Р. Х.) полагал, что «справедливо было бы воздавать каждому надлежащее» [2] или «справедливо отдавать каждому должное» [2].

Его ученик Аристотель (384 г. до Р. Х. – 322 г. до Р. Х.) воспринимал справедливость как «середицу ущерба и выгоды, ограничивающую произвол». Кроме того Аристотель отмечал, что «по общему представлению, справедливость есть некое равенство. Это положение до известной степени согласно с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии» [3].

Марк Тулий Цицерон (106 г. до Р. Х. – 43 г. до Р. Х.) – известный древнеримский политический деятель и философ, широко подходил к вопросу о справедливости, рассматривая его через призму задач и основ справедливости. Основы справедливости по Цицерону в том, чтобы «во-первых, никому не причинять вреда; а во-вторых, служить общей пользе» [4]. Вместе с тем, у древнеримского правоведа просматривается пессимистичный настрой относительно понимания истинной справедливости: «у нас нет подлинного и ясного представления... о настоящей справедливости, и пользуемся только... тенью и очертаниями» [4].

Французский правовед Мишель де Монтень (1533–1592 гг.) определил, что «справедливость заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам» [5]. Значит, достижение справедливости в каждом случае уникально.

Английский философ Томас Гоббс (1588–1679), по сути, приравнял справедливость к закону, что выражается в таких словах как (справедливость) – «постоянное стремление уважать право» и др. [6].

В понимании французского философа Дени Дидро (1713–1784 гг.) справедливость – «это долг воздавать каждому то, что подобает» [7].

В русской философской мысли понятие «справедливость» соприкасается, и даже чаще сливается с понятием «справда». Глубокому изучению данный вопрос подвергся в XIX в. Проблема справедливости разделилась на две подпроблемы: что собой представляет «справедливость» и как ее установить в мире. Например, Б. Н. Чичерин (1828–1904 гг.), философ и правовед, указывает, что «Правда состоит именно в том, чтобы воздавать каждому должное, прилагая ко всем одинаковую мерку, но принимая во внимание все разнообразие внешних условий и обстоятельств» [8]. Другой русский правовед Н. Н. Алексеев считает, что «Справедливость... есть... истинная мера относительного достоинства ценностей» [9].

В современной России проблема выяснения значения понятия справедливости не меньше интересует научных исследователей правовых, социальных и даже исторических наук. Однако при всей значимости вопроса, убежденности, что правовые нормы должны соответствовать принципу справедливости, в отечественном законодательстве до сих пор не сформировано единое понимание справедливости.

Множество определений «справедливости» вводит путаницу в ее понимание. Отождествление справедливости с правом неоправданно, потому как право, в позитивном его понимании, обусловлено волей несовершеннолетних (иногда эгоистичных, не думающих о чужом благе) людей, а в естественном понимании, является категорией эфемерной, во многом неосознанной. То же касается и отождествления справедливости с нормами морали. Кроме того, общественная мораль и право подвержены непрерывным изменениям, что свидетельствует не в пользу их идентификации со справедливостью, как некой непреходящей неизменной категорией.

Сомнения в объективности справедливости, ее субъективное обоснование лишено всякого смысла, потому как позволяет власти действовать своевольно, что открывает двери тоталитаризму и насилию. Данное представление о справедливости при его всеобщем признании является опасным, угрожающим самим основам общества, объявляет «войну против всех».

Тогда, что же такое справедливость? Это понятие вечно, неизменно и объективно. Иное ее понимание приводит или к обесцениванию социальных норм, на которых они основаны, или к смешиванию понятий.

Как следует из представленных определений понятия «справедливость» различных эпох и народов, оно является обязательным, жизненно-необходимым явлением, отражающим мораль и право общества. Кроме того, в определениях звучит нота воздаяния, как необходимо составного элемента справедливости.

Обратимся к отечественному законодательству. В Основном Законе Российской Федерации – Конституции РФ – не закреплено понятие «справедливость». В 136 статьях Конституции ни разу не встречаются слова: «справедливость», «справедливое», «справедливый» и иные однокоренные слова. Единственное упоминание о справедливости мы находим в преамбуле Основного Закона: «...что память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...» [10], из чего следует, что многонациональный народ Российской Федерации, принимая Конституцию, считает веру в справедливость наследием предков, необходимым для существования нового государства в XX и XXI вв.

В статьях Конституции Российской Федерации отсутствует определение понятия справедливости. Однако ч. 3 ст. 17 гласит, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Данная норма права очень созвучно с концепцией: «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Норма основного закона Российской Федерации, по сути, является отражением, т. н. «золотого правила морали», а в действи-

тельности, заповеди Иисуса Христа: «итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [11].

В отечественном гражданском законодательстве понятие «справедливость» встречается в ч. 3 ст. 65.2 ГК РФ [12], где предусмотрена «справедливая компенсация» для участника коммерческой корпорации или лицам, в результате неправомерных действий которых участник корпорации помимо своей воли утратил права участия в ней (в зависимости от ситуации). В обоих случаях «справедливая компенсация» определяется судом. В статьях 1101 и 1252 ГК РФ учитываются требования разумности и справедливости. В статьях 393 и 308.3 ГК РФ говорится, что суд должен руководствоваться принципом справедливости. При этом в обоих случаях принципу справедливости сопутствует принцип соразмерности.

В случаях применения законодательства по аналогии (ст. 5 СК РФ [13], п. 2 ст. 6 ГК РФ, ч. 2 ст. 7 ЖК РФ [14]), при невозможности использования аналогии закона права и обязанности участников правоотношений определяются исходя из общих начал и смысла соответствующего отраслевого законодательства (аналогия права) и требований добросовестности (кроме семейного права), гуманности (кроме гражданского права), разумности и справедливости.

Например, в статье 2 ТК РФ [15] среди прочих принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признан: «обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда...» и «обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы...».

Более того, статья 6 УК РФ [16] принята под заголовком «принцип справедливости», который раскрывается следующим образом: «наказание и иные меры уголовного характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Содержание данной правовой нормы представляется наиболее интересным с научной точки зрения, потому как является, по сути, единственным полным раскрытием содержания понятия справедливости на законодательном уровне, правда рассматриваемого через призму уголовного права, т. е. вопроса о преступлении и наказании. В указанном определении видится воля законодателя при решении уголовных дел, вынесении наказания и применении иных мер уголовно-правового характера учитывая все обстоятельства, подвигнувшие человека на преступление. В этом случае уголовное законодательство переходит из плоскости статичной формальности в более совершенную, динамичную и жизнеспособную сферу, где преступление предстает перед правосудием во всем своем своеобразии, частности обстоятельств, позволяющих определить невиновность лица, совершившего преступное деяние, или же смягчить или отягчить его участь.

Созвучно со ст. 6 УК РФ звучит ч. 2 ст. 43 УК РФ: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Содержание статьи 60 УК РФ указывает на «справедливое наказание», которое должно быть назначено лицу, признанному виновным в совершении преступления.

Уголовный процесс также имеет в своем обороте понятие «справедливое наказание». Его назначение виновному лицу также отвечает назначению уголовного судопроизводства, как и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному

преследованию. Тем самым законодатель дает уразуметь, что при желании вершить справедливость нужно тщательно оберегать от карающей руки невиновных.

Содержание статьи 297 УПК РФ [17] гласит, что приговор суда будет справедливым (а также законным и обоснованным), если он будет постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. Отчасти здесь прослеживается позитивный подход к пониманию справедливости.

В соответствии со ст. 389.9 УПК РФ: «суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам, представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции». В апелляционном определении, приговоре, постановлении суд должен указать основания, по которым приговор суда первой инстанции признается законным, обоснованным и справедливым, иное судебное решение суда первой инстанции – законным и обоснованным, а жалоба или представление – не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения. Отсюда следует, что суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции должны иметь четкое представление о том, что такое справедливость. При систематическом толковании данной нормы с учетом ст. 297 УПК РФ, следует, что суд должен обосновать, что его решение (или решение суда первой инстанции) постановлено в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса и основано на правильном применении уголовного закона, т. е. соблюдены нормы процессуального и материального законодательства.

Текст присяги присяжного заседателя, содержащийся в ч. 1 ст. 332 УПК РФ, включает понятие: «справедливого человека», под которым подразумевается присяжный заседатель, честно и беспристрастно исполняющий свои обязанности, принимающий во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, рассматривающий уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывающий виновного и не осуждающий невиновного.

Принцип справедливости отражены и в административном судопроизводстве (ст. ст. 6 и 9 КАС РФ [18]), и в гражданском судопроизводстве (ст. 391.11 ГПК РФ [19]). Справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом предусмотрено и в арбитражных судах (ст. 2 АПК РФ [20]). Кроме того, понятие «справедливость» (и иные однокоренные термины) содержатся в статьях Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [21] (п. 1 ст. 352 КТМ РФ, ст. ст. 343, 346 КТМ РФ) и Кодексе внутреннего водного транспорта [22] (ст. 129, 132 КВВТ РФ, п. 1 ст. 138 КВВТ РФ).

Таким образом, следует, что законодательство Российской Федерации не содержит единого подхода к толкованию понятия «справедливость», однако включает данную правовую категорию работу в различных отраслях права. Принцип справедливости в отечественном праве раскрывается или через соответствие (приговора, судопроизводства) правовым нормам, или учета обстоятельств при принятии решения (вынесении наказания).

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что человек, как существо вольное, имеет право действовать по своему усмотрению, но в пределах, ограниченных волей другого человека. Именно столкновение двух интересов порождает конфликтную ситуацию, а необходимость ее разрешения социальные нормы. Но люди равны между собой (в действительном, а не формальном смысле); что гарантируется и государственной властью, закреплением в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации принципа: «все равны перед законом и судом». А значит, со-

циальный конфликт, столкновение противоположных интересов с объективной точки зрения должен быть решен соразмерно обоснованности притязаний всех участников конфликта, для восстановления равенства (действительного, фактического) между ними. Именно эту задачу и стремится осуществить социальные нормы в конкретных общественных отношениях, но в связи с их разнообразием, исторической изменчивостью, правила поведения обладают признаком переменчивости, непостоянности. Однако принцип соразмерного удовлетворения интересов людей для их равенства неизменен и объективен, а значит и представляет собой основу для социальных норм, т. е. принцип справедливости.

Справедливость – принцип обусловленной соразмерности в общественных отношениях. Если представить данное определение в динамике, то: справедливость – есть стремление к действительному равенству в общественных отношениях.

Справедливость имеет общественное начало, т. е. исходит из общества и служит для общества. Нельзя говорить о несправедливости природы, так как она не имеет воли, или Бога, как неравного и сверхвольного, относительно человека. Принцип справедливости существует только в общественных отношениях, т. е. отношениях между людьми, и только. Справедливость возникает при столкновении интересов, т. е. наличии двух и более лиц. Нельзя говорить о несправедливости к себе, но можно поступать несправедливо, совершая что-нибудь над собой. Например, суицид приносит страдание близким, а значит акт несправедливый, со стороны лица, его совершающего, так как пошатывает равенство между ним и его близкими, в связи с принесением им нравственных страданий, а вместе с тем порой и материальных проблем, которые бы он не потерпел для самого себя.

Целью справедливости является обеспечение равенства между людьми. Равенство следует понимать ни как формальное, а действительное, т. е. обусловленное естественными различиями между людьми по психофизиологическим, культурно-национальным и иным признакам. Таким образом, социальное обеспечение лиц с ограниченными возможностями, на которое государство выделяет бюджетные средства, складывающиеся из налогов с населения, направлено на восстановление справедливости, т. е. равенства между людьми, так как обществу необходимо уравнивать условия лиц с ограниченными возможностями за счет получения ими дополнительной материальной помощи, а здоровых граждан – за счет понижения их материального достатка.

Как видно из рассуждений, справедливость является не эфемерным, а реальным теоретическим принципом, на котором должны найти свое обоснование социальные нормы, как применения принципа справедливости в конкретных общественных отношениях (ситуациях). Но известно, что закон несовершенен, т. е. законодатель не точно применил принцип справедливости на определенных общественных отношениях. Кроме того, любой человек стремится решать свои проблемы в справедливом ключе, даже преступники между собой, но часто понимание справедливого не совпадает с истинной объективной справедливостью, я носит лишь субъективный волюнтаристский характер. Поэтому можно говорить о двух типах справедливости: истинной и образной. Истинная справедливость это точное понимание и применение данного принципа в общественных отношениях, направленного на установление действительного равенства между людьми, а образная справедливость – искаженное представление людей об истинной справедливости. Таким образом, следует, что право, мораль лишь образы истинной справедливости.

Для существования справедливости в обществе необходимо наличие двух условий:

1. Желание справедливости
2. Понимание и осознание справедливости

Первое условие обозначает стремление человека к равенству между людьми, а второе его способности разумно действовать в общественных отношениях, ориентируясь на принцип справедливости.

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, можно заключить следующее:

1. Справедливость – это стремление к действительному равенству в общественных отношениях.

2. Справедливость наличествует только в отношениях между людьми.

3. Для существования справедливости в обществе необходимо стремление к ней и ее рациональная реализация в конкретных общественных отношениях на всем историческом пути человечества.

4. Принцип справедливости прямо не закреплен в Конституции Российской Федерации, но подразумевается в ч. 3 ст. 17, а значит, имеет прямое действие в общественных отношениях.

По-нашему мнению, отсутствие в законодательстве и правовой доктрине единого определения понятия «справедливость» приводит данную социальную ценность к утрате его высокого значения в системе российского права.

В связи с этим, мы предлагаем заняться разработкой и внедрением данного определения в правовую доктрину, которое должно соответствовать его общечеловеческой экзистенции, тем самым наполнить многочисленные нормы российского права о справедливости глубоким социальным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
2. Платон. Государство. Книга первая // Большая онлайн библиотека e-reading. URL: e-reading.club/chapter.php/131950/2/Platon_-_Gosudarstvo.html.
3. Аристотель. Политика. Кн. 3. VII. 1. М.: Мысль, 1983. 850 с.
4. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. С. 62–65.
5. Монтень М. Опыты. В трех книгах. Книги первая и вторая. М.: Наука, 1981. 704 с.
6. Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. М.: Наука, 1956. 748 с.
7. Дидро Д. Сочинения. Т. 7. М.: Художественная литература, 1939. 416 с.
8. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.
9. Алексеев Н.Н. Идея справедливости // Русская философия права. Изд. 2-е, доп. СПб.: Алетей, 1999. С. 407–409.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2008. 31 декабря; 2004. 7 февраля; 2014. 23 июля.
11. Библия. Евангелие от Матфея. 7, 12 // Библия Онлайн. URL: bibleonline.ru/bible/rus/40/07/.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/10164072/#friends.
13. Семейный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/10105807/.
14. Жилищный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12138291/.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12125268/.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/10108000/.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12125178/.
18. Кодекс Административного судопроизводства Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/70885220/.
19. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12128809/.
20. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12127526/.
21. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12115482/.
22. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: с изменениями и дополнениями // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: base.garant.ru/12122218/.

**NECESSITY TO FIX THE CONCEPT OF JUSTICE
IN THE LEGAL DOCTRINE AND PATRIOTIC LEGISLATION**

© 2018

D.S. Kharauzov, student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: justice; law; morals; the Constitution; philosophy; legal doctrine; legislation; the system of law.

Abstract: The article is devoted to the issue of justice in legal doctrine and domestic proof and is aimed at solving both theoretical and practical problems. The question of justice has long been one of the leading places in the research work of many scholars of jurisprudence, philosophers, theologians, sociologists, etc. In an effort to explain to themselves and the world that “justice” itself is, scientists have chosen different definitions, some of them which, in essence, seem to be identical. Such a differentiated understanding of justice entails a great danger for the stable existence of society, since it is one of the key concepts of morality and law, the most important social normative systems. The misunderstanding of the term “justice” among law enforcement agencies threatens to undermine and depreciate it, the growth of legal nihilism. Therefore, the strengthening of this concept in the domestic legislation and (or) legal doctrine is essential for the security of our state, the stability of the legal system. The concept of justice is repeatedly found in the normative legal acts of the Russian Federation, inherent in both criminal and civil legislation. Undoubtedly seems the fact that such a socially significant concept as justice can not have a different character in different legal branches, on the contrary, it should concentrate in itself a single ideal of Russian society, the basic principle of the whole system of law. However, at the moment the legislator, who has included the word “justice” in various legal acts in various case variations, does not give any interpretation of it, with the exception of the Criminal Code of the Russian Federation. However, in our opinion, the concept of the principle of justice presented in the codified legal act does not correspond to the role of this concept in the entire system of law of our state and does not solve all the existing practical and theoretical problems facing our society.

НАШИ АВТОРЫ

Амбарцумян Гарик Ашотович, соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права.
Адрес: Российско-Армянский Университет, 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
E-mail: garik1791@mail.ru

Балуева Татьяна Владимировна, аспирант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-93-65
E-mail: h.s.e@list.ru

Бахшалиев Джавид, магистрант кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: dbaxshaliev@bk.ru

Дюк Кристина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Кочарян Карен Спартакович, аспирант кафедры «Уголовное право и уголовно-процессуальное право».
Адрес: Российско-Армянский Университет, 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
E-mail: kqocharyan89@mail.ru

Липская Ульяна Александровна, магистрант кафедры «Конституционного и административного права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 963 918-86-33
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное и уголовно-исполнительное право».
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «в».
Тел.: (846) 205-67-31
E-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru

Никольский Михаил Павлович, курсант.
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24В.
E-mail: Ner23010@gmail.com

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57
Тел.: 8 917 970-19-91
E-mail: lawboxer@gmail.com

Хараузов Дмитрий Сергеевич, студент.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 905 306-72-94
E-mail: d.xarauzow@yandex.ru

OUR AUTHORS

Bakhshaliev Javid, graduate student of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: dbaxshaliev@bk.ru

Balueva Tatiana Vladimirovna, postgraduate student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: h.s.e@list.ru

Dyuk Kristina Ivanovna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal law and procedure”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57
Tel.: (8482) 53-94-17.
E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Hambardzumyan Garik Ashotovich, applicant of Chair “Criminal Law and Criminal Procedure Law”.
Address: Russian-Armenian University, 0051, Armenia, Yerevan, Ovsepa Emima Street, 123.
E-mail: garik1791@mail.ru

Kharauzov Dmitry Sergeevich, student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 905 306-72-94
E-mail: d.xarauzow@yandex.ru

Kocharyan Karen Spartakovich, postgraduate student of Chair “Criminal Law and Criminal Procedure Law”.
Address: Russian-Armenian University, 0051, Armenia, Yerevan, Ovsepa Emima Street, 123.
E-mail: kqocharyan89@mail.ru

Lipskaya Ulyana Aleksandrovna, graduate student of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 963 918-86-33
E-mail: kafedra.tgp@yandex.ru

Nekrasov Alexandr Petrovich, doctor of Sciences (Law), Professor of Chair “Criminal and criminal-executive law”.
Address: Samara juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 “v”.
Tel.: (846) 205-67-31
E-mail: nekrasov.aleksandr@mail.ru

Nikolski Mikhail Pavlovich, cadet.
Address: Samara Juridical Institute of Federal penitentiary service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 “v”.
E-mail: Ner23010@gmail.com

Stepanova Vera Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakova street, 57
Tel.: 8 917 970-19-91
E-mail: lawboxer@gmail.com